

II

Структура и прагматика устных речевых жанров

В. В. Баранова

Рассказы современных крестьян о прошлом и настоящем

*Давеча не то, что теперича,
а теперича не то, что давеча*

Практически каждый, кто был в фольклорной экспедиции, сталкивался с жалобами пожилых крестьян на современную жизнь, которая противопоставляется "прежней жизни" (далее, не претендуя на жесткую терминологичность этого определения, мы будем называть их "рассказами о прошлом и настоящем"). Появлению в их речи высказываний о прошлом способствует преимущественная ориентированность беседы собирателя с информантом на воспоминания последнего. Такие высказывания (не становившиеся ранее отдельным предметом исследования), могут выглядеть как самостоятельные и завершенные отрезки беседы, а могут и органично входить в различные в жанрово-тематическом отношении тексты. Рассказы, в которых актуализируется оппозиция прежней и нынешней жизни, устойчивы по своей тематике, стереотипны по форме и одновременно содержат систему индивидуальных оценок говорящего, личное осмысление событий собственной и общественной жизни в прошлом и настоящем.

Сама оппозиция "прошлое-настоящее", разумеется, относится к числу универсальных. Попробуем проследить, как она воплощается в разговорах современных крестьян, и раскрыть ту систему представлений, которая стоит за высказываниями вроде "раньше лучше было". Источником материала послужили полевые записи фольклорно-этнографических экспедиций АГ СПбГУ (1996-1999) и кафедры истории русской литературы СПбГУ (1998), а также публикация Е. Н. Разумовской "60 лет колхозной жизни глазами крестьян" (записи 1970-80-х годов)¹.

Рассказы о прошлом и настоящем всегда содержат оценку описываемых событий, даже если она скрыта и внешне рассказ ориентирован на беспристрастное описание. "Раньше, мои детки, говорят, и

---

¹ См.: Разумовская, 1991.

правда что-то представлялось, вот казалось, народ видел. Вот теперь вот не видишь такого, а раньше вот люди видели. Говорят, что это и правда, представленики [то есть те, кто представляются, видятся. - В. Б.] были какие-то, и черти, мол, по земле ходили". В контексте рассказов о прошлом и настоящем способность или неспособность видеть "представленников" связывается с верой, знанием "старых людей", которые противопоставляются современному неверию и незнанию: "Ой, это давно было, ещё в старину. А при наших уже тута все говорят: "А, вы от Бога отказались, и черти от вас отказались". А это раньше" [1].

По замечанию Т. Г. Бочиной, рассматривавшей построение оппозиций на материале пословиц, "антитеза как прием контрастного сопоставления немыслима без оценочной квалификации объекта" (Бочина, 1992, с. 11). Собственно, сами наречия времени "раньше" и "сейчас" или "теперь" (или их эквиваленты: "старая жизнь/в наше время/наша жизнь" - "нынче/нынешнее/шасная жизнь"), составляя антитетические пары, задают оценочную оппозицию. В рассказах о прошлом и настоящем положительно оценивается прошлое, причем эта оценка является базовой для текстов такого рода, так что упоминания о позитивных моментах в настоящем или негативных в прошедшем, как правило, не изменяют изначальной модальности. "...Тогда [до революции. - В. Б.] больниц как таковых не было, учителя были, но они были слабо подготовлены, хотя они учили лучше, была успеваемость, как сейчас не учили там, черт, двадцати предметам - и химия, и черт ее знает сколько. Они учили общеобразовательной, оттуда выходил эрудированный, грамотный человек. Он семь классов кончил, он преподавал в школе, учитель настоящий был" [2]. Здесь взаимоиключающие друг друга утверждения - "они были слабо подготовлены" и "оттуда выходил эрудированный, грамотный человек" - входят в рассказ, не вступая в противоречие, и общий смысл высказывания сводится к "осуждению" настоящего.

Положительная характеристика явлений современной жизни в рамках рассуждений о прошлом и настоящем выглядит своего рода уступкой, что особенно заметно по рассказам, содержащим мотив утраты веры и благочестия: "А в деревне... ну, сейчас иконы вроде накупили, стали вроде креститься, но уж нагресли-нагресли, в том числе я. Мне не отмотить ничем, никому" [3].

В других случаях положительно оцениваются моменты, не являющиеся главной темой рассказа: "...Здоровье все убито, война проведена, да, война проведена, оборонные работы проведены, в лес хоже-но, в колхозе работано, есть за что, нет за что - работали в колхозе. Вот так. А сейчас мы только что вот на пенсию вышли, мы сами си хозяева. Вот здоровье все убито. Спасибо, государство дает пенсию. (А дает пенсию-то? - соб.) Последнее время дает. И слава Богу. Нас, стариков, не забыли. Вот, а вот как огороды обрабатывать? Ноги худые, все худое, дак. Вот и думаешь: "А все равно, хоть как, а надо идти" [4].

В рассказах о прежней и нынешней жизни прошлое является маркированной частью оппозиции и выступает как основание для сравнения, норма, которой не соответствует современная жизнь. Рассказы о прошлом и настоящем конструируют идеальное прошлое, обладаю-

щие такими признаками, как нормированность (упорядоченность) жизни, наличие веры, мистического опыта и знания, единства людей и т. п. Выбор одной (или нескольких) из этих характеристик в качестве темы рассказа влечет за собой указание на "антипризнак" в настоящем: соответственно беспорядок (или отсутствие норм), профанность, разобщенность людей.

В рассказах о прошлом и настоящем можно выделить словесные клише, лаконично передающие основные претензии к современности и содержащие определенные представления о том, чем "щасная" жизнь отличается от прежней. Противопоставление прошлого и настоящего в таких клише либо оформляется синтаксически и лексически ("Раньше люди друг друга жалели, а теперь народ безжалостный стал") либо только подразумевается: высказывание как бы намекает на возможность сравнения ("А что, теперь никому ничего не надо", "все вот рушат теперь", "раньше-то лучше было"). Речевые стереотипы подобного содержания могут выступать на правах самостоятельных высказываний, приближаясь к паремиям² ("А теперь ни хреста, ни пояса, ни стыда, ни совести") (Разумовская, 1991, с. 152).

Развернутое высказывание иногда оформляется как кумуляция таких клише, причем тексты такого типа представляют собой вполне завершенные в смысловом отношении рассказы: "И правда, кинули мы свое милое, пошли искать постылое. Извел Ленин старую жизнь, и вся жизнь в раскол пошла. Раньше друг друга жалели, а теперь народ безжалостный стал. Раньше Бога боялись, да батек, а теперь? Небо раздолбали, расковыряли летавши - вот Господь и наказывает. Скоро небо на землю упадет. Сейчас все умные, образованные, а не знают, как дальше жить. А раньше знали, и старые люди предупреждали: не будет народ Богу веровать, и Бог век укоротит" (Разумовская, 1991, с. 154).

Но чаще рассказы о прошлом и настоящем строятся как разворачивание словесного стереотипа, который, оказываясь информативно недостаточным для говорящего или вызывая вопрос собирателя, нуждается в дополнительной мотивации, в констатации фактического положения дел и т. п. Можно обобщенно описать модель, по которой строятся такие высказывания: формула (клише) - описание прошлого - описание настоящего - повтор формулы ("закрепка"). Разумеется, в каждом конкретном случае эта модель несколько трансформируется, отдельные части могут опускаться или меняться местами в зависимости от целей говорящего, коммуникативной ситуации.

Словесное клише, являющееся основой рассказа, выделено в потоке речи положением в начале и/или в конце текста, а также интонационно. *"Страшной войны дело пошло. (А почему страшной? - соб.). Да потому. Сами-то вы ощущаете или нет? Вот мы, к примеру, как жили при коммунистах, все-таки жить можно было, а сейчас - черт его знает. Все разваливают, все зажимают. Вот деревня - она помрет, ничего тут не останется. Страшной войны дело пошло"* [5].

---

² Некоторые паремии могут служить основой для рассказа о прошлом и настоящем: "Вернуть бы Брежнева, да зажечь бы по-прежнему", "Бог, Бог, а и сам будь не плох".

В следующем примере заключительное предложение целиком представляет собой стереотипное высказывание, при этом клишированным является лишь его финальная часть: "Промтоварный - значит там только промтовары, иди и покупай, а теперь что сделано? Здесь и хлеб, здесь и рыба, здесь и мясо гнилое лежит, здесь и обувь лежит, здесь и все. Все теперь киш-миш, в одно место смешано и в каждой подворотне все магазины и в каждой подворотне разные цены, *что хочешь, то и делай*" [6].

Словесные формулы ("раньше жили бедно, да весело", "раньше черти были, а теперь мы сами стали как черти", "народ теперь хитрый стал", "а теперь никому ничего не надо" и др.) структурно организованы и, варьируясь, сохраняют исходную синтаксическую конструкцию и/или опорные слова. Рассмотрим способы варьирования словесных клише на примере самого, пожалуй, распространенного: "раньше были черти, а теперь мы сами стали как черти".

1) Лексическое - подставление другого наименования персонажа с сохранением опорной конструкции "а теперь мы сами все стали...": "Теперь все лешие стали. Мы сами лешие стали. Потому что мы не понимаем ни добра, ни зла, ни Бога не веруем, сейчас стали маленько веровать, а то нет, не признавали никакой веры. Так все люди как эти сѹтаны стали" [7]; "Мы сами-то как домовые стали"; "...Теперь мы сами все привиждаемся. (А почему? - соб.) Потому что стали старые и никто бы нам не привиждается, но раньше это, говорили, все было".

2) Синтаксическое - изменение "базовой" синтаксической конструкции при сохранении общего смысла формулы и слова "черти": "Каки там черти, теперь все черти ушодся, нету, теперь вот люди-то черти". Или: "И на хуя мы старые? Мы старые никому не надо. Мы черти, вот так сказать. На нас молодые говорят, что мы черти" [8].

Формульные высказывания служат выражением устойчивых мотивов. И. А. Разумова пишет, что "традиционные устойчивые мотивы составляют план содержания многих словесных клише. <...> Стереотипы как бы формируют мотив, не давая ему развернуться в пространное описание или подробный эпизод" (Разумова, 1991, с. 78). Мотив может быть понятен из самого клише или прочитываться только при его разворачивании. Так, словесный стереотип "раньше жили бедно, да весело" связан с мотивом утраченной коллективности деревенской жизни (было весело, потому что и работали, и праздновали сообща, всем миром): "Собирались из других деревень, на пятый день разъезжались только. Сейчас один день - и все, и не стали праздновать, как раньше праздновали. Как-то было хоть и бедно, но было лучше, чем сейчас. Лучше. Народ собирался, родственники собирались" [9].

Формула "люди стали как черти", содержащая мотив "неправильности" современных людей, также, как правило, нуждается в пояснении, разворачивании ("...Потому что мы стали не такие, как надо"). При этом можно говорить о "мотивах-спутниках", устойчиво возникающих при разворачивании словесного клише. Так, разворачивание той же исходной формулы влечет за собой актуализацию мотива оставленности, заброшенности современных людей. "Так все люди как эти сѹтаны стали. Раньше признавали, а то как-то и больше боялись, так он и казался вроде бы, знаешь. А сейчас уж дошли - все отступились от нас. И леший, и Бог, и все отступились. Думаешь мы, мы никого не

признаем. Мы сами все как лешие стали, дак" [10]. "Бог отступивши от народа, с народом нечего делать, уж народ как черти стали. Да и чертей-то таких не было раньше, как сейчас народ. Чудят, что хотят! Только бы мне, а ты как хошь" (т. е. думают только о себе - В. Б.).

И. А. Разумова пишет: "Процесс трансформации формул неоднороден. С одной стороны, наблюдается тенденция к переосмыслению стереотипов, раскрытию заключенного в них смысла. Она проявляется или в виде "отхода от формульности при сохранении старого смысла", или как внесение в традицию некоторых новых стереотипов. С другой стороны, прослеживается внешне противоположная тенденция к большей формализации, механическому употреблению формул, что выражается в нетрадиционном использовании стереотипов, перенесении их на иную сюжетную ситуацию, в иное композиционное положение и т. д. Эта тенденция к окончательной утрате традиционной мотивировки завершает формализацию стереотипа" (Разумова, 1991, с. 127). Это наблюдение, сделанное на материале русской волшебной сказки, можно применить и к словесным клише в рассказах о прошлом и настоящем. "Механическим" употреблением клише объясняются случаи контаминации, например: "И на х.я мы старые? Мы старые никому не надо. Мы черти, вот так сказать. На нас молодые говорят, что мы черти", - где происходит наложение устойчивого мотива "молодежь не признает, не уважает стариков" на клише "люди стали как черти".

Для приведенного высказывания также значима самоидентификация рассказчика как представителя "старых", что связано не только с реальным возрастом говорящего, но и со значением этого определения в контексте рассказов о прошлом и настоящем. "Старые люди" (чаще это определение относится к предыдущему поколению) выступают как носители истинного знания, настоящей веры и "правильного" жизненного уклада прошлого. "Ну, старые люди, я смотрю, куда больше в Бога веровали. Вот у нас церковь открыли, там раньше клуб был, мы-то придём, тут уж перекреститься не можем, потому что не учили, а они-то какие поклоны отвечают". При отношении себя к "старым", т. е. знающим, на оппозицию "прошлое-настоящее" накладывается противопоставление "старый-молодой", описанное Т. А. Бернштам. "Старые были основой коллектива: строго упорядоченные правила бытия и поведения соответствовали идеям миропорядка и обозначались в терминах обычай/порядок <...>. В отличие от упорядоченного, "запрограммированного" в космосоциальном (Божественном) масштабе ритма старости "труд-покой", жизнь молодежи развивалась по непредсказуемому сценарию и сопоставлялась с непредвиденными кризисными ситуациями, называвшимися в народе случай/слука, притча/притка" (Бернштам, 1995, с. 17).

В тех рассказах, где говорящий относит себя к "старым", отрицательные моменты в настоящем не вызывают рефлексии, а воспринимаются как существующие помимо рассказчика. Причиной ухудшения выступают в таком случае молодое поколение, правительство, наступающий конец света или соседи, но чаще всего - неопределенные "они". Собственно, все вышеперечисленные "виновники" тоже воспринимаются как безличная сила, нерасчлененное множество, что подчеркивается грамматически: "А сейчас все разрушили, все на свете растащили, разволокли, сейчас ничего нет"; "Не знаю, не знаю, что и творится.

Не знаю. Это вообще светопреставление какое-то сделали. Не знаю, нашему возрасту, что мы вот жили и живем, не знаю, не сравнить и не понять даже никак" [11].

Говорящий может идентифицировать себя с "теперешним" поколением (что, опять же, мало связано с реальным возрастом). "(Обходили скот? - соб.). А теперь некому. А теперь никто не знает. Надо молитву, а кто знает? А я век прожила, а ничего не знаю". "Ничего не знаю" относится не только к молитве, а шире - ко всему традиционному знанию "старых людей". В связи с мотивом утраты веры "теперешнее" поколение воспринимается как греховное: "Мне не отомолить ничем, никому. (Почему? - соб.). Так как же, мы не верили ни в Бога, ничего, как мы не нагрели? Мне теперь хоть убейся, молился Богу, мне теперь Бог не простит. (Не простит? - соб.). Не-е... не простит никогда. Я другой раз и подумаю - тогда ведь мы не виноваты были, если нам десять годов было, а все-таки, видишь, кто это сделал такой. У людей много отняли, люди если бы жили, веры бы, они бы лучше работали, они бы теснее были, лучше бы любили друг друга, а теперь мало кто друг друга уважает. Теперь мы вот... И молодые, все равно мы теперь не такие стали. Раньше ведь как: друг за друга стояли..". [12].

Приведенный текст интересен также указанием на конкретный момент перелома между прежней и нынешней жизнью (рассказ цитируется не полностью, в другом месте рассказчица называет точную дату: "Я двадцать первого года, наверно десять годов было - иконы все выкинули. В тридцатом году, или когда, это все безобразие-то было?"). Рамки временной конкретизации эпохи "прошлого" зависят от того, что является значимым для рассказчика. Маркированным может оказаться определенный исторический период и/или правитель, который воспринимается как своего рода "символ времени", если речь идет о прошлом ("Вернуть бы Брежнева, да зажечь бы по-прежнему!"), или как причина современных несчастий: "...Вот что мы плохо живем, так это виноват Ельцин. Его надо придушить, чёрта! Вот был бы он здесь, было б у меня ружье, я б его сама пристрелила" [13]. Такой "персонификацией" идеального прошлого в крестьянских рассуждениях чаще всего становится конкретный помещик, Ленин, Сталин, Брежнев, виновником трагизма современной жизни - Ленин, Хрущев, Брежнев; Горбачев ("Мишка Меченый"³), Ельцин.

Иное положение в рассказах о прошлом и настоящем занимают исторические лица, которые не связаны с личным опытом информанта или рассказами родителей о, например, конкретном помещике. Такие персонажи свободны от личных ассоциативных связей. Если одно упоминание имени Ленина воссоздает для рассказчика эпоху, что проявляется, в частности, в возможности неразвернутого высказывания о нем, которое будет имплицитно содержать характеристику и прошлой, и современной жизни ("А теперь Ленина готовы затоптать"), то Екатерина II или Столыпин связаны только с конкретным событием/обстоятельством и служат иллюстрацией к рассказу. "Там сказано: люди будут ждать лучше, а все будет хуже и хуже, все тяжелей. Вот как было

³ "Мишка Меченый": родимое пятно на голове М. С. Горбачева как устойчивый мотив эсхатологических рассказов: предсказание о том, что перед концом света явится "меченый".

плохо жить, вот Екатерина была там, крепостные права были, но такого все равно тяжелого не было, как сейчас". Такие персонажи упоминаются, в основном, в рассказах пожилых крестьян, склонных к историсофии.

Для рассказов, в которых прошлое связано с фигурами Ленина, Сталина, с периодом "до войны/в войну", главной является идея единства, совместного преодоления трудностей, а основной претензией к современной жизни - разобщенность людей: "И вот война, прошла война, мы сейчас вот живем, и в деревне друг друга ненавидим. Как жить теперича?" [14].

"Прошлое" может и не конкретизироваться, пониматься как неопределенное "раньше", которое отделено от настоящего, но граница прошлого и настоящего не указывается. "Были, были колдуны. Вот сейчас на хорошее... ни на худое, ни на хорошее нет, на худое-то, наверно, есть, а на хорошее - не знаю". Для этих рассказов причины изменения, упадка не связаны с историческими, политическими событиями. Собственно, в рассказах может вообще не быть мотивировки изменений, что связано с "безрефлексивным" воспроизведением клише. Рассказчик не нуждается в разворачивании формулы, доказательствах, мотивировках или проекциях на собственные жизненные обстоятельства ⁴.

Особую группу в рассказах о прошлом и настоящем составляют высказывания, в которых словесные стереотипы применяются для описания собственных несчастий. Такие рассказы мы будем называть ламентациями. Термин "ламентации" (laments) использует американская исследовательница Nansy Ries, анализировавшая в начале 1990-х годов разговоры москвичей. В книге "Russian talk: culture and conversation during perestrojka" она определяет ламентации как "такие пассажи в беседе, когда говорящий формулирует серию жалоб, тревог, беспокойств о проблемах, неудачах или потерях и затем часто добавляет к этому перечислению мучительный риторический вопрос вроде: "Почему у нас все так плохо?", фаталистический плач о безнадежности ситуации или выразительный российский вздох разочарования и отказа" (Ries, 1997, p. 84). В рамках разговоров крестьян о прошлом и настоя-

---

⁴ Надо отметить, что указания на причины и на результаты ухудшения не всегда возможно отделить друг от друга: "Раньше ведь веселей жили, чем теперь. Теперь даже соседи, соседям как-то не ладится, один богатый, другой бедный, а раньше ведь не считались с этим, на сенокос вот придут, если женщины вот там, ну, свои участки, у всех рядом, этот, обедать сядут дак, тут и смех, тут и веселье, (ничего) что бедно жили" [15]. Это связано со специфическим выражением оценки в языке. Н. Д. Арутюнова пишет: "Катафорические отношения устанавливают связь между оценкой и фактической стороной дела. Вопрос о характере этих отношений не совсем прост. Дескриптивные свойства объекта и фактические сведения могут быть поняты как выполняющие роль оснований (мотивов, причины), либо как интерпретация, своего рода "заполнение" семантически выхолащенного предиката. Эти два вида экспликативных отношений не расчленены полностью" (Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 93). В рассказах о прошлом и настоящем формула задает оценку, а разворачивание клише может быть понято и как причины изменений, и как их результат.

щем мы будем понимать под ламентациями такие рассказы, в которых присутствует мотив жалости к себе, а говорящий тяжело переживает собственные беды или близко к сердцу принимает несчастье коллектива. Особенно значимым оказывается восприятие себя как жертвы судьбы, правительства, соседей: "Ну, это я правду, правду все говорю. Около свиней ходила. На руках все чистила, на руках выносила. Ну зато я премию получала, на доске почета висела. А толку что? А пенсию заработала пятьдесят восемь тысяч только, сначала как я получала. Вот как я работала. А зачем, спрашивается? Вот и ребята говорят: "Мама, ты дуручка". <...> Так и отжила всю жизнь на фермы, а пенсию не заработала. А которые после шли, да подделывали - те пенсию получают. Вот Галыка Петрова, помощник бригадира была, она 345 получает. Вот. И ничего не делавши" [16].

Словесные стереотипы в ламентациях претерпевают значительные изменения. "Мы сами-то как домовые стали. Знаешь, кто такой домовый? А тут и домов-то нету считай. (А почему как домовые стали? - соб.). Так а что, что, мы, конечно, он ночью приходит, там, но он только делает добро - так вы сами для себя добро, а теперь что, теперь каждый старается, как бы зло сделать, а добро... Говорят... Раньше, когда я пришла в библиотеку, да стала работать, отмечали день рождения каждому школьнику, список такой был повешен. А потом когда стала такая все разруха, они ко мне придут, а я все, я не могу сделать. Я-то все делала. Муки, самовар, пирогов напеку, все ко мне ходили, а потом, ну, все, товарищи. Ничего не получается. Пока все это делали, так они [дети - В. Б.] туда и собирались" [17].

"Размывание" формульности связано с попыткой осмысления через стереотип (словесное клише, устойчивый мотив) конкретной жизненной ситуации, и, как следствие, переосмысление, расширение самого стереотипа. В ламентациях через оппозицию "прошлое-настоящее" (точнее через клише, оформляющие эту оппозицию) говорящий "прочитывает" наиболее значимые для него события, в основном своей жизни. Следствием этого является размывание стереотипа и максимальное расширение возможных причин и "показателей ухудшения": "Вообще. Мы уже не можем смотреть этого ящика, мы не можем смотреть, вы понимаете, в деревне не можем смотреть телевизор. Нам противно эту рекламу смотреть. Даже вот теперь идет вот "Зал ожидания", мы не можем вытерпеть, чтобы не поплеваться и не поматериться. Полчаса идет, ну час, "Зал ожидания", вроде наши прекрасные артисты, которых мы всю жизнь..." [18].

Ламентациям не свойственно описание идеального прошлого, нормы, которая выступает основанием для сравнения, поскольку жанр, интонация рассказа не предполагает позитивной картины мира. (Собственно, "laments"- плач, нытье, причитание). Соответственно нет жесткого противопоставления настоящего прошлому, неснимаемого противоречия между ними. "Раньше" и "теперь" не ограничены, а, скорее, переходят друг в друга: очевидна общая тенденция к ухудшению, чем дальше, тем тяжелее и сложнее становится жить, и прошлое воспринимается как время, когда было, конечно, тоже плохо, но все-таки не так, как сейчас. "Наша местность, как у нас, вот одинолично хорошо жить, местность позволяет, а наша местность очень трудная, тяжело очень, вот как было... колхозов в наших местах жизнь даже лучше была,

только тянули все в одно место, а не так что кто за колхозы, кто против колхозов, вот этим разваливают Россию. Когда жили единолично тоже. Тоже русскому народу не помогали. Все пишут везде, и говорят по радио везде, раньше Столыпин торговал на мировом рынке, а свои люди ели суп из нечищенной картошки. Настолько за границу, раньше перли и сейчас прут... Такие почему-то у нас руководители, а свой народ - выживай как хочешь сам. И вот и в раньше время было так же как раз" [19].

"Постепенное ухудшение" является одной из основных идей в рассказах о конце света. Связь рассказов о прошлом и настоящем с эсхатологией неоднозначна и зависит от актуальности для говорящего знания о конце света. Характерно, что существует ряд мотивов, являющихся общими для представлений о конце света и о "прошлом-настоящем", но это не означает причинно-следственной связи между ними. В некоторых случаях можно говорить о перенесении традиционных эсхатологических мотивов (таких как зарастание земли и вымирание людей) на рассказы о современной жизни в сравнении с прошлым: "А теперь за какие-то пятьдесят лет послевоенных поднялись и туда и сюда, земли запустили, земля зарастает. Вот и сказано: где шумел лес, там и будет шуметь, в Писании, а где мой дед хлеб ел, там лес стоит уже. Мой дед на хуторе жил, где лес шумит... В деревнях, где были вот машины - лес... деревня были порядочные, колхозы были..." [20]; "Сейчас-то много людей гибнет. Радио слушаешь, как по телевизору, гляди-ко, чего говорят, каждый день убийства, пропадают целым машинам этим, самолетам, да этим, поездам, да, а людей-то мало, умирает, дак тут надо много людей. Одна война что... а после войны, видишь, в войну что людей погибло, а сейчас гибнут каждый день, вот погляди по телевизору, так ведь страсть! Сколько людей гибнет, и маленьких, и больших, и кто чем, кто по какой причине. То самолет разобьется, то поезда где ли, что-то там, сейчас больше народу идет [т. е. умирает от плохой жизни. - В. Б.], которы есть от жизни, жисть-то худая, тоже много вот" [21].

Кроме того, в ряде случаев переход от рассказа о прошлом и нынешнем к разговору о конце света подсказывается собирателем: "(А матом ругаться грех? - соб.). Не знаю... Конечно, грех. А грехи - не боятся теперь греха. (Не боятся? А почему? - соб.). Мать-то родную вот так быют, колотят, с матерью-то дерутся, матерей-то быют сыновья. Так это рази не грех? Вот возьми. (А вот не говорили такого, что скоро конец света будет? - соб.)" [22].

Несмотря на смысловую близость и общность некоторых мотивов рассказов о конце света и о "прошлом-настоящем", можно утверждать, что эсхатологические представления и представления о "раньше-теперь" все же не являются едиными, а существуют по отдельности и смешиваются только в разговорах конкретных информантов.

Надо отметить, что, по-видимому, рассказы о прошлом и настоящим возникают как реакция на личность собирателя и его вопросы: молодой, городской, интересуется прошлой жизнью. При этом собиратель, как правило, вызывает сочувствие: "Раньше было строго, очень строго было. Девушки были спокойные, а ребята тоже, уж такие были спокойные. Не услышать нигде матюжка. А теперь что творят! Теперь стыдно выйти на улицу. Теперь бедные девки, которая путная, так бедная уж. Бедная. Ей ходу нигде нету - гребут, как собаки. Ой, как послушаем, так, Господи, как, желанный, жить-то будете? Этакие молоденькие ещё вот".

Оппозиция "прошлое-настоящее", как мы попытались показать, для современных крестьян связана с ощущением нарушения привычных норм, а рассказы о прошлом содержат своего рода рефлекссию по поводу ухода того уклада, который для говорящего отождествляется со стабильным, правильным, и одновременно попыткой осмыслить настоящее. При всем разнообразии мотивов рассказов о прошлом и настоящем, остается единым восприятие современности как времени неправильного, не такого.

В заключение уместно будет привести цитату из статьи Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, рассматривающих общекультурные рефлексии такого рода: "Поскольку культура осознает себя как существующую, лишь идентифицируя себя с константными нормами своей памяти, непрерывность памяти и непрерывность существования обычно отождествляются.

Характерно, что многие культуры вообще не допускают возможности сколько-нибудь существенного изменения в отношении актуальности сформулированных ею правил, иначе говоря, возможности какой-либо переоценки ценностей. Тем самым культура весьма часто бывает не рассчитана на знание о будущем, причем будущее представляется как остановившееся время, как растянувшееся "сейчас"" (Лотман, Успенский, 1993, с. 330).

Примечания

[1] Записали Д. Баршевич, А. Портнов, А. Тарабукина в д. Лебедево Андреапольского р-на Тверской обл. от Надежды Никаноровны, 1929 г. р. (ФА АГ СПбГУ, № 98081630).

[2] Записали Н. Кузнецова, М. Лурье, А. Филиппова в д. Хотилицы Андреапольского р-на Тверской обл. от А.А. Смирнова, 1913 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98080516).

[3] Записано в фольклорной экспедиции СПбГУ в июле 1998, в д. Калитино Вашкинского р-на Вологодской обл. от Н.П. Улановой, 1921 г.р.

[4] Записали В. Баранова, О. Давыдова, А. Литягин, М. Мальгина в д. Коськово Тихвинского р-на Ленинградской обл. (ФА АГ СПбГУ № 98032603).

[5] Записали Н. Кузнецова, Е. Лисицкая, М. Лурье, Д. Эйдук в д. Хотилицы Андреапольского р-на Тверской обл. от Е.Н. Филотенковой, 1938 г. р. (ФА АГ СПбГУ, № 98080110).

[6] Записали В. Баранова, О. Давыдова, А. Литягин, М. Мальгина в д. Тумово Тихвинского р-на Ленинградской обл. от Е.В.Веселовой, 1929 г. р. (ФА АГ СПбГУ, № 98032647).

[7] Записали А. Кучумова, М. Пономарева в фольклорной экспедиции СПбГУ в июле 1998 г. в д. Маэкса Белозерского р-на от Е.Ф.Ключевой.

[8] Записали В. Баранова, К. Маслинский, И. Нужнов в д. Обуховицы Торопецкого р-н Тверской обл. от Н.А.Дебеловой, 1924 г. р. (ФА АГ СПбГУ, № 97010324).

[9] Записали Д. Баршевич, А. Литягин, Д. Эйдук в д. Заборье Андреапольского р-на Тверской обл. (ФА АГ СПбГУ, № 98081943).

[10] Записали А. Кучумова, М. Пономарева в фольклорной экспедиции СПбГУ в июле 1998 г. в д. Маэкса Белозерского р-на от Е. Ф. Ключевой

[11] Записали В. Баранова, О. Давыдова, А. Литягин, М. Мальгина

в д. Тумово Тихвинского р-на Ленинградской обл. от Е. В.Веселовой, 1929 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98032649).

[12] Записано в фольклорной экспедиции СПбГУ в июле 1998, в д. Калитино Вашкинского р-на Вологодской обл. от Н.П.Улановой, 1921 г.р.

[13] Записали Н. Кузнецова, Е. Лисицкая, М. Лурье, Д. Эйдук в д. Хотилицы Андреапольского р-на Тверской обл. от Н.А.Федоровой, 1920 г. р. (ФА АГ СПбГУ, № 98080316).

[14] Записали В. Баранова, О. Давыдова, А. Литягин, М. Мальгина в д. Коськово Тихвинского р-на Ленинградской обл. от О.И.Кербуновой, 1928 г. р. (ФА АГ СПбГУ, № 98032606).

[15] Записано в фольклорной экспедиции СПбГУ в июле 1998 г. в д. Даньшин Ручей Вашкинского р-на Вологодской обл. от А. Л. Карьковой, 1935 г.р.

[16] Записали Е. Лисицкая, М. Лурье, Е. Сурядная в с. Воскресенском Андреапольского р-на Тверской обл. от А.В.Осиповой, 1926 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 97080348).

[17] Записали В. Баранова, Е. Бобылева, О. Давыдова, К. Егорова в д. Колбеки Тихвинского р-на Ленинградской обл. от Л.А.Андреевой, 1929 г. р. (ФА АГ СПбГУ, № 99031120).

[18] Записали В. Баранова, О. Давыдова, А. Литягин, М. Мальгина в д. Тумово Тихвинского р-на Ленинградской обл. от М.И.Веселова, 1930 г. р. (ФА АГ СПбГУ, № 98032648).

[19] Записали Н. Кузнецова, Е. Лисицкая, М. Лурье, Д. Эйдук в д. Хотилицы Андреапольского р-на Тверской обл. от Смирновой А., 1933 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98080504).

[20] Записали Н. Кузнецова, Е. Лисицкая, М. Лурье, Д. Эйдук в д. Хотилицы Андреапольского р-на Тверской обл. от Смирнова А. С., 1938 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98080469).

[21] Записано в фольклорной экспедиции СПбГУ в июле 1998, в с. Покровское Вашкинского р-на Вологодской обл. от О.А.Сафроновой, 1915 г. р.

[22] Записано в фольклорной экспедиции СПбГУ в июле 1998, в с. Покровское Вашкинского р-на Вологодской обл. от О.А.Сафроновой, 1915 г. р.

Л и т е р а т у р а

Бернштам, 1995 - Бернштам Т. А. "Молодая" и "старая" игра в аспекте космосоциальных половозрастных процессов // Живая Старина. 1995. № 2 (6). С. 17-20.

Бочина, 1992 - Бочина Т. Г. Лингвистические средства создания антитезы в языке фольклора (деривационный аспект): Автореф. ...к. филол. н. Казань, 1992.

Лотман, Успенский, 1993 - Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 326-344.

Разумова, 1991 - Разумова И. А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск, 1991.

Разумовская, 1991 - Разумовская Е. Н. Шестьдесят лет колхозной жизни глазами крестьян // Альманах "Звенья". М., 1991. С. 113-162.

Ries, 1997 - Ries Nansy. Russian talk: culture and conversation during perestrojka. Ithaka and London, 1997.

П. А. Клубков

Городская топонимика и фольклор

Городское просторечие, особенности речи горожан по сравнению с сельскими жителями, специфические черты речи жителей разных городов, - вся совокупность проблем, связанных с изучением речи города в последние годы, привлекает все большее внимание исследователей¹. Данное направление носит междисциплинарный характер - в его разработке принимают участие не только лингвисты, но и этнографы, психологи, социологи, историки, фольклористы, краеведы. Широко распространено также любительское собирание фактов городской речи (в особенности - сленга).

Если попытаться составить дифференциальный словарь какого-нибудь города (т. е. такой словарь, в который войдут лишь те слова, которые отличают речь жителей данного города от других), в глаза бросится в первую очередь вещь абсолютно самоочевидная, тривиальная: множество местных топонимов, т. е. названий пространственных объектов - поселков и пригородов, районов и микрорайонов, улиц, площадей, кварталов, отдельных зданий, парков, кладбищ и т. п. В лингвистической литературе эти названия иногда называют урбонимами или урбанонимами (от латинского *urbs* - "город"). Думается, что лучше все-таки использовать термин "микротопоним" - так называют не только городские пространственные объекты, но и вообще все названия мест, не отмечаемых на географической карте и имеющих ограниченное бытование (например, названия частей деревни, ручейков, родников, пригородов, участков леса и т. п.).

Важной особенностью городской микротопонимики является ее "двуслойность". В любом городе наряду с официальными названиями его частей существуют и неофициальные, используемые в разговорной речи всех горожан или какой-то их группы, выделяемой по пространственному или социальному признаку. Есть, например, названия магазинов или скверов, используемые только жителями ближайших окрестностей, а есть такие названия, которые можно услышать лишь в речи хиппи или футбольных болельщиков ("фанов"). Российскую национальную библиотеку читатели чаще называют Публичкой, Лиговский проспект в разговорной речи обычно именуется Лиговкой, знаменитый кафетерий ресторана "Москва" на углу Невского и Владимирского проспектов был известен под неофициальным названием "Сайгон" (это название унаследовал в качестве официального магазин музыкальных записей, занявший место исторического "Сайгона"), наряду с официальным названием площади Ломоносова в молодежной речи отмечен и разговорный топоним Ватрушка (круглая и сквер посередине). В лю-

---

¹ Представление о тематическом многообразии работ по языку города дают, например, тезисы докладов, прочитанных на всероссийской конференции в Омске в 1995 году (См.: Речь города. Тезисы докл. Всеросс. межвуз. науч. конф. Ч. 1-2. Омск, 1995).

бом районе любого города мы услышим от местных жителей множество известных только им названий магазинов, кафе, стихийных базарчиков, скверов и т. п.

Для фольклориста городская микротопонимика представляет интерес с двух точек зрения. Во-первых, микротопонимы чрезвычайно широко используются в разных жанрах городского фольклора, выступают в качестве одной из "художественных красок" разнообразных фольклорных текстов. Во-вторых, микротопоним может быть сам по себе настолько выразительным, что его можно (с известными оговорками, о которых еще пойдет речь) рассматривать в качестве фольклорного текста. Попытаемся взглянуть на интересующий нас объект с обеих точек зрения.

1. Микротопоним в тексте.

Специфическая поэтика городской микротопонимики с предельной отчетливостью проявляется, например, в обширном корпусе одесских текстов. Молдаванка и Пересыпь, Дерибасовская и Ришельевская, Привоз, Дюк, Малая Арнаутская составляют существенный компонент этих текстов.

Конечно, Одесса - случай не вполне типичный, однако нетипичность его скорее во всенародной известности этих номинаций и текстов за пределами Одессы, чем в их внутренней природе. Столь же широко известны и городские названия Петербурга и Москвы. Менее прославленный город тоже обладает определенной внутренней структурой, названия элементов которой могут быть наполнены для местных жителей богатым содержанием, которое обнаруживается в городской паремиологии и фразеологии, в песнях, быличках, анекдотах и пр.

Так, едва ли не повсеместно обнаруживаются локальные фразеологизмы, включающие в свой состав адрес или название известной в регионе психиатрической больницы. Известны песни А. Галича "Белые столбы" и В. Высоцкого "Письмо с Канатчиковой дачи", но еще более популярны московские выражения "с Канатчиковой дачи сбежал", "ему в Белых Столбах место" и т. п., точно так же, как и соответствующие петербургские выражения с упоминанием Пряжки и Скворечника (психиатрической больницы № 3 им. Скворцова-Степанова).

Столь же значительна паремиологическая продуктивность названий кладбищ. В речи петербуржцев нередко мелькают выражения, связанные с Волковым (Волковским), Серафимовским и др. кладбищами города. А. А. Реформатский иногда иронически называл себя идейным Ваганьковцем. "Дескать, списанный со счетов истории (что с него взять?) и ожидающий обрести покой на старинном московском кладбище" (Реформатская, 1989, с. 192). Старое кладбище в Орске известно под метонимическим названием Перовский сад (оно находилось рядом с городским садом, названным по имени знаменитого оренбургского генерал-губернатора). Отсюда и местные выражения: "ему уже в Перовский сад пора", "ну тебе пока до Перовского далеко", "он уже в Перовском" и т. п.

Возможны и другие типы городских объектов, с которыми в речи горожан могут связываться разнообразные ассоциации. Их названия могут использоваться в разного рода экспрессивных иносказаниях. В Ду-

шанбе 1950-80 г. г. часть проспекта Ч. Путовского, идущая под заметным уклоном к реке, носила неофициальное название "Путовский спуск". В русской речи душанбинцев (преимущественно детей и молодежи) встречалось клише "разгон (разбег) с Путовского". Оно выражало ироническую готовность к выполнению какой-либо работы, т. е. по сути было локальным вариантом общераспространенного "как же, разбежался!"

В Омске есть мыс при слиянии Оми и Иртыша, который обычно называют Стрелкой (в соответствии с одним из словарных значений слова стрелка - "мыс при слиянии двух рек"). Среди жителей города место это пользуется крайне сомнительной репутацией: "на Стрелке ищут клиентов городские проститутки (стрелочницы). Слово символизирует любое неприличное место вообще" (Осипов, 1991, с. 133).

Городская песня во всех ее разновидностях (блатная, "мещанская", студенческая и т. п.) часто оказывается привязанной к каким-то конкретным адресам, которые, естественно, различаются в вариантах. Ю. М. Соколов приводит текст знаменитой песни "Гоп со смыком" в киевском варианте ("будто бы сочиненную в Киеве каким-то недавно еще жившим блатным поэтом" (Соколов, 1932, с. 69)). Этот вариант начинается словами "Жил-был на Подоле Гоп со смыком..". В одесском варианте, исполнявшемся в частности Аркадием Северным, "родился на Форштадте Гоп-со-смыком" (Шелег, 1995, с. 99), известен и Гоп со смыком, который жил на Молдаванке.

Во многих городах актуально неофициальное территориальное членение, определяемое локальной солидарностью молодежных групп (в частности, шпаны), а некоторые районы пользуются устойчивой репутацией "бандитских", что порождает выражения вроде "что ты ходишь с ножом, как форштадтский?" (Орск, 1960-е г. г.). В Петербурге начала XX века была знаменита железнодорожская (от Железноводской улицы на Голодае), васинская (василеостровская) и гаванская шпана. "Частенько пели ребята привезенную из Петрограда песню... Ромашка-Чеснок, предводитель гаванской шпаны, попал в засаду, устроенную васинской шпаной:

Вот вечер наступает,
Чеснок идет домой
А васинские парни
Кричат: "Чеснок, стой!"
Чеснок остановился,
Все васинцы кругом...
"Деритесь чем хотите,
Но только не ножом!"

Но его все-таки убивают, и именно ножом! А потом, осознав всю низость своего поступка, васинцы приходят на Смоленское кладбище в день похорон Ромашки и у его свежей могилы каются перед гаванцами и предлагают им вечную дружбу" (Шефнер, 1995, с. 438). В этой истории обращает на себя внимание, помимо прочего, несовпадение официального и "хулиганского" членения города. На официальной карте города Гавань относится к Васильевскому острову, но "гаванцы" тем не менее противопоставляют себя "васинцам".

2. Микротопоним как текст.

Отграничивая паремии от фразеологизмов и, соответственно, паремиологию как раздел фольклористики от фразеологии как лингвистической дисциплины, Г. Л. Пермяков выдвинул в качестве критерия то обстоятельство, что паремия может выполнять определенную совокупность текстовых функций и поэтому должна рассматриваться как текст (см.: Пермяков, 1975).

Среди городских названий нетрудно выделить такие, которые сами по себе выглядят настолько "интересно", что "о них можно рассказывать в компании". Названия городских объектов (как официальные, так и неофициальные) могут быть содержанием устных рассказов. Фольклорным здесь оказывается не материал, а способ его представления.

Удачная фотография реально существующего объекта может быть произведением искусства, хотя фотограф не имеет никакого отношения к созданию этого объекта, он выбирает из окружающего нас мира некий фрагмент и заключает его в кадр. Точно так же имеет смысл рассматривать в качестве своеобразного фольклорного жанра "куръез". Отличительными чертами этого жанра являются "документальность" и бессюжетность. Ценность этим текстам придает действительная или мнимая достоверность ("это не анекдот, а факт"). Куръез - не повествование, а описание (факт, а не история). Частными разновидностями этого жанра оказываются рассказы о необычных фамилиях, об опечатках, о памятниках и т. п. Приведем несколько примеров куръезов, связанных с официальной городской микротопонимикой:

"В Твери есть улица "Набережная Иртыша". Так там не то, что Иртыша, - лужи приличной нет";

"Говорят, в Москве есть Коммунистический тупик";

"В Душанбе была улица Рудаки, а потом проспект Ленина переименовали тоже в проспект Рудаки. Получилось, что я живу на углу двух Рудаков";

"В тридцатые годы 15 линия Васильевского острова официально называлась линией Веры Слуцкой. Вот и представьте себе: Двенадцатая, Тринадцатая, Четырнадцатая, Веры Слуцкой, Шестнадцатая, Семнадцатая..."

Среди разговорных (неофициальных) микротопонимов широко представлены номинации, в которых изначально присутствует элемент игры (в частности, игровой реинтерпретации клише). О таких номинациях можно весело рассказывать приезжим:

А знаете, как у нас называют этот перекресток? - Как? - Бермудский треугольник: здесь две пивных и еще рюмочная;

В этом доме было трикотажное ателье. В народе его называли "Смерть мужьям";

А это - Ленинградский дом молодежи - ЛДМ. Но его иногда называют ЛСДМ - от ЛСД.

Некоторые из таких названий очень редко используются в прямой номинативной функции, поэтому при их описании представляется чрезвычайно важным не ограничиваться лексикографическими толкованиями, а обращать внимание на условия функционирования, на контекст. Дело в том, что шуточное название очень редко вытесняет нейтральное. Они существуют параллельно. "Будущая "Военно-грузинская дорога", по которой Сталин ездил из Кремля на дачу, Арбат уже в те ранние годы был улицей необычной" (Липкин, 1998, с. 181). Конечно

можно представить себе фразу вроде "А эту матрешку я купил на Военно-грузинской дороге", но она, скорее всего, произносится в расчете на недоуменный вопрос собеседника. Реинтерпретация общеизвестного кавказского топонима связана с усиленной военной охраной и грузинским происхождением Сталина. Эта шутка может быть представлена в виде загадки, "каверзного вопроса" (где находится Военно-грузинская дорога?) или анекдота, анекдотического слуха (Вы слышали, Арбат переименовали! Он теперь называется Военно-грузинская дорога).

Такого рода "фольклорное оформление" возможно для многих разговорных топонимов, которые тем самым могут рассматриваться как своего рода тексты. Другим типом микротопонимов, представляющих интерес для фольклора, являются названия, связанные с неким рассказом, мотивирующим номинацию. Иначе говоря, в качестве фольклорного текста выступает именно этот рассказ (этиологический миф), а топоним оказывается как бы "черным словом" воображаемого фольклорно-топонимического лексикона.

В. А. Никонов выделяет три аспекта семантики топонимов:

- 1) дотопонимическое значение (речка с черной водой - черная речка);
- 2) собственно топонимическое значение, указание на определенный объект (Черная речка - река, протекающая через Новую деревню в Петербурге и впадающая в Большую Невку);
- 3) посттопонимическое значение, описываемое как совокупность ассоциаций, связанных с данным топонимом (Черная речка - место последней дуэли Пушкина). (См.: Никонов, 1965).

Нетрудно заметить, что, используя топонимы в текстах, мы часто актуализируем посттопонимическое значение, а коль скоро речь идет о топониме как тексте, то на передний план выдвигается реальное или мифическое дотопонимическое значение (почему это место так называли?). Собственно топонимическое значение исчерпывается референтной отнесенностью, а поэтому, в сущности, выпадает из ведения как фольклористики, так и лингвистики.

Л и т е р а т у р а

Липкин, 1998 - Липкин С. И. Собственная жизнь - это клад // Знамя. 1998. №1. С. 180-189.

Никонов, 1965 - Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.

Осипов, 1991 - Осипов Б. И., Боброва Г. А., Имедадзе Н. А., Кривоzubова Г. А., Одинцова М. П., Юнаковская А. А. Лексикографическое описание народно-разговорной речи города: Теоретические аспекты. Омск, 1991.

Пермяков, 1975 - Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975.

Реформатская, 1989 - Реформатская М. А. Как говорили дома // Язык и личность. М., 1989.

Соколов, 1932 - Соколов Ю. М. Русский фольклор. Вып. 4. М., 1932.

Шелег, 1995 - Шелег М. В. Споем, жиган...: Антология блатной песни. СПб., 1995.

Шефнер, 1995 - Шефнер В. С. Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде (Летопись впечатлений) // Шефнер В. С. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. СПб., 1995. С. 335-606.

А. А. Литягин

Число в детской игровой поэзии

Произнесем считалку:

Эни, бэни, рики, факи,
Турба, урба, синтябряки,
Дэу, дэу, краснодэу,
Бац.

(Топорков, 1995, с. 48)¹.

Бессмысленный стишок, составленный из звуко сочетаний, лишенный значения. Хотя почему бы не предположить, что перед нами слова окказионального языка, какой мастера придумывать дети и футуристы? По крайней мере, рудименты лексической значимости здесь очевидны и, с известной долей условности, можно "реконструировать" этимологию этих словечек, как это легко делается, например, со знаменитыми "Inter, minter..". Анализ фонетических закономерностей и ритмики стишка, особенно в соотношении с подобными, если и не делает его более понятным, то в любом случае создаст эффект осмысленности.

Однако не упустили ли мы в нашем филологическом проекте исследования детской считалки что-нибудь, лежащее на поверхности, само собой разумеющееся и потому незаметное? Ну конечно, мы не посчитались! Произнести считалку и посчитаться - не одно и то же. Речь в данном случае даже не о функциональности жанра, речь о жесте. До всякой достоверности научных заключений для нас очевидна достоверность того, что неудачник, на которого указал пальчик ребенка одновременно со словом "бац", будет водить. Инфантильный сюжет здесь неизбежен: не сопряженная с конкретным действием (ритуальным в контексте детской игры) считалка в истинном смысле ею не является. Значение заумного словечка эксплицируется в способе его употребления. Считалка - отличный пример "языковой игры" в понимании Л. Витгенштейна: "<...> единое целое: язык и действие, с которыми он переплетен" (Витгенштейн, 1994, с. 83). В таком понимании считалка предьявляет ряд безусловных требований к артикулирующему. Во-первых, она требует другого (других, но численно не превосходящих количество словесных элементов, которыми наделяются соучастники сче-

---

¹ Здесь мы ссылаемся на небольшую заметку А. Л. Топоркова в "Живой Старине". Его же обширную публикацию считалок с элементами зауми см.: Топорков А. Л. Заумь в детской поэзии // Русский школьный фольклор: От "вызываний" пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1988. С. 578-604.

та)². Во-вторых, считалка требует противостояния (круга) считающего и свидетелей. В-третьих, как уже говорилось, указующего жеста, без которого приговор недействителен. Наконец, как прелюдия и одновременно универсальная часть игры с разделением ролей, считалка является "пусковым механизмом" и в этой связи работает только при абсолютном доверии к ней всех участников счета: после непрерываемого "бац" никаких организационных вопросов не остается; все расходится по местам, разбегаются, прячутся и т. п. "<...> слово для ребенка значительно ближе к действию и движению, чем для нас (взрослых), - пишет Ж. Пиаже, - отсюда два важных для понимания речи ребенка <...> следствия: 1) Ребенок, действуя, должен говорить, даже когда он один, и должен сопровождать свои движения и игры криками и словами... 2) Если ребенок говорит, чтобы сопровождать словами свое действие, он может видоизменить это отношение и воспользоваться словами, чтобы произнести то, без чего действие не смогло бы само осуществиться.

Отсюда - выдумка, состоящая в создании действительности посредством слова, и магическая речь, суть которой - в воздействии словом, и только им, безо всякого прикосновения к предметам или лицам" (Пиаже, 1994, с. 20).

Во всех перечисленных ситуациях слово выступает в отличных от своей основной функций. Оно не является посредником между сознанием и действительностью, оказываясь в одном ряду с предметами материального мира, лишенным знаковой условности и в том случае, когда сливается с реальным действием, и когда вытесняет вовсе реальность, удовлетворяя фантазии ребенка.

Прекрасный пример такого наивного реализма в отношении к проносимым словам являет Санчо Панса, не умеющий рассказать историю о влюбленном пастухе, не переправив всех его коз через реку: "Как же это, - воскликнул Дон Кихот, - неужели так важно знать, сколько именно коз перевезено на тот берег, и если хоть раз сбиться со счета, то ты уже не сможешь рассказывать дальше свою историю? - Нет, сеньор, никак не могу, - ответил Санчо. - Потому, когда я спросил вашу милость, сколько коз было перевезено, а вы мне ответили, что не знаете, в ту же минуту у меня вылетело из головы все, что я должен был досказать, а ведь история моя, право, занятна и поучительна" (Сервантес, 1978, с. 172-173).

Наивно-реалистическое отношение к слову как к предмету, игрушке, необходимому звуковому атрибуту игрового действия закономерно приводит к утрате им коммуникативной функции (детский монолог), а в пределе и лексического значения. В таком виде слово оказывается элементом детского лепета, важной особенностью которого является повторение и эхолалия. "Этой эхолалии принадлежит роль простой игры; ребенку доставляет удовольствие повторять слова ради них самих, ради развлечения, которое они ему доставляют, не обращаясь абсолютно ни к кому" (Пиаже, 1994, с. 19).

² При этом для неискушенного в арифметике сознания предсказуемость приговора возрастает при минимальном количестве участников, но, при решении вопроса "с кого начинать?", ребенок руководствуется не вычислением, а сакральным опытом.

Совершенно очевидно, что и детское словотворчество, и модернистские языковые эксперименты в ряде случаев сводятся к означенной выше проблеме заумного языка, о чем писали Л. Якубинский и В. Шкловский³. В стихотворении, использующем бессмысленные слова, смысловые функции отчасти выполняет звуковая и ритмическая (случаи, где ритм значим)⁴ структуры, образующие слой рудиментарных смысловых ассоциаций. Однако рассмотрение заумного словесного ряда в функциональном контексте поэтической языковой игры, будь то считалка, актуализирующая счет и выбор, скороговорка, сконцентрированная на трудностях артикуляции, или абсурдное стихотворение, дразнящее слушателя неожиданностью, - дает возможность увидеть динамические закономерности на дословном, предопределяющем всякое значение уровне. Иначе говоря, игровой стишок, написанный заумным языком, позволяет отвлечься от смысловых ассоциаций, стимулируемых словарным и контекстуальным лексическим значением слов, и обратить внимание на способ их употребления.

Приведенную выше считалку можно представить своего рода механизмом, состоящим из особым образом расположенных и взаимодействующих деталей, запуск и функционирование которого возможны только при определенных условиях и по определенной программе.

В основе считалки - счет. Счет предполагает дифференциацию целого и универсализацию частей в смысле игнорирования каких-либо их свойств, кроме порядковых. Целым в игре, нуждающейся в считалке, является общее количество участников без учета их индивидуальных особенностей. Цель счета в этом случае - установление функционального различия водящий/неводящий (любопытно, что, по крайней мере, в традиционных общеизвестных считалках не предполагается выявление сразу нескольких "вод"). Таким образом, счет в игре, с одной стороны, упраздняет индивидуальные различия участников, с другой - приводит к своего рода функциональной персонификации, в психоаналитическом смысле по признакам активности/пассивности, в социально-психологическом - индивидуальной отчужденности/массовости. Последнее, кстати, объясняет обычное нежелание быть "водой" и саму необходимость считалки как способа суда.

В объективации счетного процесса от артикулирования и характерной счетной жестикуляции до операции с калькулятором обычно заметна одна динамическая особенность - ускорение. В бытовой практике счет - всегда средство для выяснения количества, длительности или порядка, процесс, предполагающий конечный результат. В противном случае счет чреват пугающим абсурдом бесконечности. Будучи процессом предельно абстрактным и универсальным, счет стремится к минимуму временных затрат на себя. Счет примитивной игры исполь-

---

³ См.: Якубинский Л. П. Стихи происходят из детского лепета // Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 196-197; Шкловский, 1990, с. 45-58.

⁴ Об этом речь шла в докладе Е. В. Кулешова "К вопросу о ритмике детского стиха 1910 - 1920-х гг." на заседании семинара "Проблемы современного изучения детской литературы", проходившем в Академической Гимназии СПбГУ в ноябре 1998 г.

зует числовой ряд от одного до десяти, в словесном выражении простые числительные, в большинстве европейских языков в основном одно-двусложные, то есть легкие в артикуляции. Таким образом, сам акт называния простых по составу числительных в порядке возрастания или убывания может быть предельно сжат во времени. Результатом, который желательно как можно быстрее достичь, здесь будет абсолютный конец числового ряда, что объясняет хорошо знакомый всем феномен ускорения при повторении простых числительных.

Связь простых числительных с заумными словечками считалок имеет этимологическое обоснование. Так, А. Л. Топорков, ссылаясь на наблюдения В. Орла, пишет: "Лингвист В. Э. Ореп⁵ указал на то, что зачин считалки "Эне, бэне" или "Эники, бэники" имеет близкие параллели в немецких считалках, они тоже начинаются со слов: "Enige, benige", "Ennege, bennege" и т. д. В средневековой Германии тексты, близкие современным считалкам, произносили ландскнехты при игре в кости. Зачины типа "enic, benic" могут восходить к средневерхненемецкому "eines, bein(ec) doppelte", т. е. "одна (единственная) кость удвоилась". Из Западной Европы в Россию считалка могла попасть или через Польшу, или с немецкими либо еврейскими переселенцами (аналогичные формы есть и в идише)" (Топорков, 1995, с. 48).

Заумные словечки приведенной считалки можно вполне рассматривать как каузальные простые числительные, а их ритмически установленную последовательность - как числовой ряд, ускоренно стремящийся к абсолютному концу в процессе артикуляции. Наличие сходной с нашей польской считалки

Ene, due, like, fake
Tobre, bobre, usme, smake,
Enus, deus, kosmateus,
Like, fake, baks (Топорков, 1995, с. 48)

в этой связи может объясняться не только этимологическими, но и динамическими причинами: удобством в близких языках ускоряющегося произнесения. Однако нетерпеливое ожидание конца формального процесса счета есть внешний психологический фактор, определяющий ускорение. Чистый числовой счет, не преобразованный в считалку - общеизвестное выкидывание пальцев "по-морскому" - пользуется сравнительно меньшей популярностью в детской игровой практике. Можно предположить, что считалка обладает функциональными особенностями, делающими ее универсальным способом дифференциации.

Специфика узкофункционального каузального текста - в наличии динамических закономерностей его реализации, которые заданы его ритмико-динамической структурой. Для "ускоряющихся" текстов характерна своего рода центростремительность: от большего периода к малому, от длинного слова к короткому...

---

⁵ См.: Ореп В. Э. К объяснению некоторых "вырожденных" славянских текстов // Славянское и балканское языкознание: [Вып. 4]: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста: Сб. ст. М., 1977. С. 318-325.

Вернемся к нашей считалке. В публикации считалок с набором непонятных слов А. Л. Топорков записывает ее традиционным образом как хореическое четверостишие. Графическая интерпретация этой считалки как четырехстопного хорея мотивирована, вероятно, смежной (наиболее характерной для детского поэтического фольклора) рифмовкой первых двух строк. Однако с функциональной точки зрения правильнее записать ее как двустопного хорея:

Эни - бэни,
Рики - факи,
Турба - урба,
Сентябряки,
Дэу - дэу,
Краснодэу,
Бац,

или в нотном варианте, в тактовом размере две четверти.

При рассмотрении считалки как единства слова и действия совершенно понятна оппозиционная функция парных словечек: если необходимый минимум считающихся - двое, то на каждого приходится доля (счет в музыкальной терминологии или стопа в стиховедческой), причем буквально - с указующим жестом. Оппозиционность парных словечек утверждается на фонетическом уровне посредством прибавления, замены или ликвидации в гипотетическом инварианте звука или слога:... ени - бени (+ б), рики - факи (мрачное немецкое средневековое и загадочный многонациональный путь средневерхненемецких слов оборачивается в нормальной детской практике элементарной фонетической игрой в "куклу - муклу"⁶). Целое должно распадаться на части, то есть образовать дискретный числовой ряд, где каждый элемент по определению оппозиционен предыдущему и последующему. Особое место в нашей считалке занимают "длинные" слова. В "считалочной" практике они часто распадаются на две независимые доли, однако наличие значимого корня делает возможным исполнение их легато. В динамическом смысле происходит своего рода ритмическое стяжение: тактовая размеренность нарушается - длинное слово надо произнести почти как короткое. Тенденция к ускорению таким образом обусловлена артикуляцией. Ассоциативно ритмический рисунок стишка можно сравнить с перебивающимся стуком колес разгоняющегося поезда. Учитывая, что следующий "сбив" происходит уже через один "парный" такт, центрируемительность ритмико-динамической структуры, разрешающейся в "бац", очевидна. "Бац" являет предел словесной краткости. В контексте стишка "бац" не вступает ни в одну из возможных оппозиционных пар, тем самым оказываясь противоположным всему предшествующему тексту в целом.

Это тем более понятно с функциональной точки зрения, так как именно совпадение указательного жеста с роковым словом безапел-

---

⁶ О подобного рода парных сочетаниях см.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия: набросок первый: Подступы к Хлебникову // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 315-316 (сноска 39).

ляционно утверждает выбор. "Бац" - знак абсолютного конца текста и счетного процесса (финальная точка), знак наделения участника ситуативными полномочиями и одновременно начало игрового действия.

"Бац" - традиционное звукоподражание с отчетливо выраженной негативно-деструктивной коннотацией удара, падения, взрыва и т. п. Функционально "бац" разрушает четко задаваемый до его произнесения порядок, который и нужен только для того, чтобы сделать закономерным деструктивный финал: после "бац" уже не важно, "рики" ты или "факи", - все разбегаются.

Односложные словечки типа "бац", "хлоп", "бах", "трах" в детской игровой практике часто сопрягаются с обидным агрессивным жестом:

Таня, Маня, Лизавета

Ехали на лодке.

Таня, Маня утонули,

Кто остался в лодке?

- Лизавета.

- Хлоп тебя за это! (Чередникова, 1995, с. 46).

Естественно, для полной реализации "заманки" должен последовать более-менее болезненный хлопок. С достаточной уверенностью можно предположить, что и в считалке с финальным "бац" последний жест будет акцентированно агрессивным (вероятно, за исключением ситуации выпадения жребия считающему). С психологической точки зрения обида необходима здесь как способ повышения активности ведущего, возбуждения в нем встречной агрессии, дразнения, увеличивающего азарт игры. С другой стороны, сильный жест всегда констатирует уверенность, неоспоримость сказанного.

Единство слова и действия, ритуализированность процесса счета, загадочность считалочной лексики не позволяет обойти вниманием магическую функцию, указываемую исследователями примитивной зауми. Для анализа заумной считалки это тем более актуально, так как в ней сопрягаются магия слова, магия числа и магия жеста. Считалка как способ жеребьевки эксплицирует ситуацию выбора, возможную только при наличии множества. Таким образом, считалка в реализации предполагает континуум, в предельно сокращенной форме представленный двумя элементами, оппозиционность которых выявляется в процессе счета. Иными словами, в основе считалки оказывается жесткая бинарная структура, исключаящая средний компромиссный вариант. "Бац" тотален! Считалка собирает, разделяя, множит, чтобы свести к единице. Такой дуализм просматривается уже на уровне амбивалентных пар типа "рики - факи", выражающих неопределенность и, как указывалось, предполагающих гипотетический инвариант, как бы магически табуированный. "Бац" тем самым оказывается артикулируемым квазинвариантом всех бинарных оппозиций считалки. "Бац" не только обуславливается, но невыразимо присутствует в "эни-бэни", удерживая и нагнетая магическое экстатическое напряжение по мере ускоренного приближения к финалу. "Синтябряки" и "краснодэу" становятся в этой связи характерными для магического акта фигурами предварительного устрашения: они уже не двойственны, но еще не есть роковая единица, предел деления. Отношение единицы и множества

в данном контексте можно интерпретировать как отношения достоверности безусловного факта к вариативности случая - предпосылки всякой магии.

О магическом ритуальном значении зауми писал В. Шкловский. Приводя общеизвестные примеры считалок из книги Е. А. Покровского⁷ и сравнивая их с глоссологиями русских сектантов, исследуемых Д. Г. Коноваловым⁸, он, в частности, делает замечание относительно ритмико-динамической специфики заумного говорения: "Известны факты, свидетельствующие о том, что при восприятии чужой речи или даже вообще при каких бы то ни было речевых представлениях мы беззвучно воспроизводим своими органами речи движения, необходимые для произнесения данного звука. Возможно, что эти движения находятся в какой-то еще не исследованной, но тесной связи с эмоциями, вызываемыми звуками речи, в частности заумным языком. Интересно отметить, что у сектантов явление языкоговорения начинается с беззвучных произвольных движений речевого аппарата" (Шкловский, 1990, с. 56). Существенны здесь именно безрефлективность речевого акта, первичность витальных и тактильных переживаний. Слово становится объектом переживания, как бы материализуется. Сходный феномен функционирования являет имя. Имя также сплавляется с носителем, как заумное слово со способом артикуляции и ритуальным жестом. Исходное символическое значение большинства имен в реальной бытовой практике игнорируется.

В свою очередь очевидна функциональная общность имени и числа. И то, и другое обладает ситуативным означаемым: именовать и нумеровать можно все, что угодно. Собственно, числительное есть имя числа. В качестве денотата и того и другого выступает все тот же гипотетический инвариант с мистической функцией единства или целого. Число и имя - универсальное средство дифференциации континуума, фиксации функций, установления отношений последовательности - понятия онтологические. В условном мире игры считалка в некотором роде становится формулой мироздания, а счет - актом творения. В этой связи понятно, что, как всякая магическая формула, считалка обыкновенно нуждается в окказиональной табуированной лексике (правильное произнесение считалки - особое искусство, которым скорее владеет старший или лидирующий участник игровой группы). Если почетное место глоссологий в мистической практике сектантов обусловлено легендой о чудесном наделении апостолов способностью говорения на иных языках, то авторитет иноязычного или псевдоиноязычного слова в детской и примитивной среде связан в широком смысле с семантикой чудесного, сверхъестественного, непредсказуемого, того, что выходит за пределы бытового понимания. Владеющий иностранным словом, "тарабарским" наречием, "турецким" разговором и проч. становится в маргинальную позицию, часто трикстерскую (вспомним философские дебаты Панурга или ловко говорящего "по-хранцузски" солдата в "Войне и мире" Л. Толстого). Связь же трикстерской функ-

---

⁷ См.: Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. М., 1887.

⁸ См.: Коновалов Д. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908.

ции с функцией культурного героя (т. е. творца) известна: "Принципиально новый момент в деятельности культурных - появление в мифологии трикстерского. Богомол не только занимается сотворением природы - это еще и трикстер: он дразнит и задевает других. Типичный для демиурга поступок - создание луны - очень похож на трикстерский: Богомол проколол желчный пузырь антилопы, стало темно, и он запустил свою сандалию в небо, чтобы появившаяся из нее луна осветила землю <...>" (Костюхин, 1987, с. 31). Луна может появиться из сандали, поскольку мир еще не создан, он инвариантен любой возможной системе мироздания - игра еще не начата.

Однако подобную сюжетную произвольность легко наблюдать и в считалке:

Огурец, огурец,
Не ходи на тот конец,
Там волки живут,
Тебе ноги подшибут.
Я не тяткин сын,
Я не мамкин сын,
Я на елке рос,
Меня ветер снес,
Я упал на пенек,
Поди водить, паренек (Путилова, 1997, с. 73-74).

В качестве исходного тезиса наших размышлений предлагалась мысль об удобстве заумного функционального текста в анализе досмысловой ритмико-динамической его структуры. Именно через способ употребления и реальную работу текста известной считалки удается усмотреть то, что в теории текстопорождения Ю. Кристевой именуется термином "гено-текст" - тот уровень, на котором происходит означивание⁹. Происходящее в контексте языковой игры анализируемой считалки очень похоже на описанный процесс "прорастания значения". Значения здесь нет, текст еще слишком материален, но есть смысл, он - в подсознательно определенном онтологическом акте называния, упорядочивания и утверждения, оформленном в экономичную ритмико-динамическую структуру.

Подведем некоторые итоги: без "эни - бэни" нет "бац"; не переведа всех коз, не расскажешь историю... Не посчитавшись - не узнаешь, кто вода.

---

⁹ "Мы будем называть означиванием ту работу по дифференциации, стратификации и конфронтации, которая осуществляется в языке и которая проецирует на линию, создаваемую говорящим субъектом, коммуникативную и грамматически структурированную цепочку означающих" (Kristeva J. Shmeiwtich. Recherches pour une sйmanalyse. P. 9; цит. по: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 595).

Л и т е р а т у р а

Витгенштейн, 1994 - Витгенштейн Л. Философские исследования (1953) // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 75-320. (Феноменология. Герменевтика. Философия языка).

Костюхин, 1987 - Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. (Исследования по фольклору и мифологии востока).

Пиаже, 1994 - Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994. (Психология: классические труды).

Путилова, 1997 - Русская поэзия детям: В 2 т. Т. 1 / Сост. Е. О. Путилова. СПб., 1997. (Новая библиотека поэта).

Сервантес, 1978 - Сервантес М. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Ч. I. М., 1978.

Топорков, 1995 - Топорков А. Л. Эне, бене, рики, факи // Живая Старина. 1995. № 2.

Чередникова, 1995 - Чередникова М. П. Кто остался в лодке? // Живая Старина. 1995. № 2.

Шкловский, 1990 - Шкловский В. О поэзии и заумном языке // Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи - воспоминания - эссе (1914-1933). М., 1990.

К. А. Маслинский

Эсхатологические рассуждения современных крестьян

Как особую группу в разнообразных по форме и содержанию эсхатологических текстах можно выделить ситуативные, бытовые рассуждения - устные и обычно не фиксируемые. Они, однако, широко распространены в общностях, где актуальны эсхатологические ожидания. К этой области относится и предмет нашего исследования, а именно рассуждения современных крестьян о конце света. Возможны два различных подхода к изучению данного материала: первый ориентирован на его содержательную сторону (собственно эсхатологические представления и их генезис), второй - которого мы и будем придерживаться - предполагает анализ таких рассуждений как высказываний особого типа с точки зрения их построения и функции.

На настоящий момент существует большое количество работ, посвященных эсхатологическим представлениям различных культурных групп, в том числе до- и послереволюционные этнографические описания представлений крестьян. Однако в наибольшей степени внимание исследователей обращено к старообрядцам. Для старообрядческой культуры эсхатология имеет особое значение в силу декларируемого и ощущаемого приближения конца света. "Старообрядцы-беспоповцы с самого начала существуют накануне светопреставления - в безотрадной атмосфере "антихристова царства", наступившего с утверждением еретических "новшеств" в русской церкви" (Белоусов, 1991, с. 9). Эсхатология в общностях с такой установкой определяет не только мировоззрение, но и поведение ее членов. В предисловии к публикации эсхатологических рассказов современных "церковных людей" А. В. Тарабукина пишет: "Их [церковных людей - К. М.] мироощущение во многом определяется отношением к современности как к эсхатологической эпохе, начало которой они соотносят с началом XX столетия. Строжайшая регламентация поведенческих норм и всей жизни, характерная для современных православных, является результатом поиска путей спасения, причем как личного, так и спасения мира в условиях, когда эсхатологическое будущее становится настоящим" (Тарабукина, 1998, с. 398).

Представления крестьян заметно менее замкнуты, чем в таких идеологически сформированных культурах. Отсутствие единой установки определяет множественность контекстов, с которыми может быть связано понятие "конец света", и делает текст эсхатологических рассуждений открытым для влияния как традиционных верований, так и информации, пришедшей из городской культуры. У крестьян нет однозначной веры в конец света, характерной, скажем, для старообрядцев и "церковных людей", поэтому эсхатология лишь в минимальной степени определяет их поведение и далеко не всегда формирует мировоззрение.

Изучение эсхатологических рассуждений может дать ключ к описанию не только традиционных мировоззренческих моделей, связанных с эсхатологией, но и "личной философии" крестьян, в которой также легко обнаружить стереотипные формы. Поскольку наступление конца света в ближайшем будущем имеет статус общеизвестной информации как для городской, так и для крестьянской среды, соответствующий вопрос собирателя ставит информанта перед необходимостью высказывать собственное мнение, причем, желая сообщить нечто новое, говорящий обязательно включает свою оценку этой информации, что может стать даже основой для построения высказывания.

Итак, мы рассмотрим крестьянские эсхатологические рассуждения с точки зрения построения и прагматики текста и будем ориентироваться на выявление стереотипных форм и традиционных моделей. Материалом для данной работы послужили записанные в 1996-1999 годах в фольклорных экспедициях АГ СПбГУ и кафедры истории русской литературы СПбГУ тексты, содержащие понятие "конец света", - преимущественно ответы на вопрос собирателя. Записи производились в Новгородской, Тверской, Ленинградской и Вологодской областях в основном от людей 1920-40-х годов рождения.

В нашем материале наряду с пространными, включающими сюжетные отрезки (один или несколько) рассуждениями существуют и неразвернутые высказывания, ярким примером которых могут служить следующие ответы на вопрос собирателя о конце света: "В двухтысячном году, да, как пишут, вы тоже так знаете. (А почему? - соб.) Ну, говорим так. И по телевизору говорят открыто, что конец света" [1]¹; "А когда будет, кто ее знать. Говорили, что до двух лет... до двестишестого [имеется в виду 2000 год - К. М.], мол, свету конец" [2]. В таких высказываниях говорящий ограничивается апелляцией к тому, что считает общеизвестным, указывает, что он не может сообщить ничего нового. В высказываниях вроде: "Будет. Вон, картошка вся залившá" [3], - понятие "конец света" употреблено в качестве гиперболы. Возможны также неразвернутые высказывания, в которых информант использует в качестве самодостаточного ответа формулу: "И всё идёт же так, как и написано. Вот когда писали эту книгу - по ней и идёт всё (А что по ней идёт? - соб.). Вот щас как мы живём. Мы щас не живём, а мучаемся. Ещё нам покажет [конец земли]. (А какая книга? - соб.). Какая книга - Библия" [4]. Как форму, стремящуюся к максимальной развернутости, можно отметить перекрестные диалоги между информантами, в которых участники дополняют или перебивают друг друга, высказывая подчас противоречащие мнения; собеседники стремятся изложить всю известную им эсхатологическую информацию и предложить свою интерпретацию. Такие диалоги часто характеризуются тем, что их участники говорят быстро и эмоционально².

Как развернутые, так и неразвернутые высказывания тематически едины, в них встречаются одни и те же формулы и мотивы, однако пространные рассуждения возникают, когда эсхатологические идеи особенно важны для рассказчика.

---

¹ Здесь и далее вопросы собирателя приводятся в скобках с пометой «- соб.».

² Таким же образом, как "обмен эсхатологическим опытом", могут строиться и эсхатологические диалоги церковных людей (ср. Тарабукина, 1998, с. 425-443).

Несмотря на разнородность материала, в развернутых высказываниях выделяются два тематических центра: 1) эсхатологические предсказания, "приметы конца света"; 2) предстоящий конец света как событие и его последствия.

В текстах первой группы широко распространен сюжет о сбывшихся предсказаниях "стариков", причем в этих рассказах обнаруживается чёткий набор следующих функциональных элементов текста.

1. Номинация субъекта предсказания, или название источника эсхатологической информации.

Наиболее распространённый вариант - предсказания "старых людей" или "божественных", чаще всего основанные на "Библии"³; иногда субъект предсказания не конкретизируется ("говорили"), иногда наоборот, информант приписывает предсказание собственному деду (отцу, матери и т. д.), но и в этом случае подразумевается их принадлежность к "знающим". Старики здесь выступают в роли медиаторов, носителей сакральной информации. В качестве источника предсказания могут называть непосредственно "Библию". Таким образом, источник эсхатологического знания обозначен как сакральный и помещен в прошлое, так как предсказания стариков всегда принадлежат прошедшему времени, а написание Библии соотносится с "мифологическим" прошлым: "Ну а старая [Библия - К. М.] - когда раньше печатана, ещё Бог знает, когда" [5]⁴. Итак, в этом элементе заключены базовые для текста оппозиции: прошлое-настоящее и сакральное-профанное.

2. Содержание предсказания - формула.

Содержанием предсказания обычно являются традиционные мотивы в форме образной и/или речевой формулы. Например, такие предсказания: человек будет человеческий след искать; отец пойдет на сына, мать на дочь; кровь будет течь реками по улицам; хорошо жить будет, да некому и т. д. Мы не будем подробно рассматривать репертуар формул и мотивов, но отметим, что среди них можно выделить наиболее популярные, "хрестоматийные" формулы, имеющие статус общеизвестных и очевидных: всю землю паутинами затянут - проводами; железные кони и птицы появятся - трактора и самолёты⁵. Однако возможны и нетипичные, окказиональные варианты предсказаний, например: "будет чудо такое, которое будет влиять на природу" [6]; "придёт жисть така - надо будет расписаться за себе" [7].

3. Актуализация предсказания, выражающаяся в соотнесении с предметами современной действительности.

В эсхатологических рассуждениях часто называются факты реальной действительности, которые были метафорически предсказаны в

---

³ "Библию" мы берем в кавычки на основании принципиального несоответствия нашего понимания Библии и представлений крестьян о Библии.

⁴ Противопоставление "старой" и "новой" Библии очень устойчиво у современных крестьян, причем "старая" Библия воспринимается как правильная, содержащая верные эсхатологические предсказания. На формирование образа новой Библии, по-видимому, значительно повлияли распространяемые американскими миссионерами буклеты христианского содержания.

⁵ Подробно об этих приметах и их происхождении см. в статье А. Ф. Белоусова (Белоусов, 1991, с. 10-14).

формуле: "Будет, что не будет меж в поле, всё перетянут, в деревнях что всё веревкам перетянут, и говорить будет что-то, что откуда-то по струнам - дак ведь оно и действительно. Радио говорит, свет..." [8].

Формулу-предсказание и соответствие этой формуле определенного явления в настоящем, составляющие основу текста, можно сопоставить с загадкой и разгадкой. Основание для такого для сопоставления - диалогичность загадки как текста, предполагающего наличие контртекста - отгадки (см. Хелимский, 1994, с. 258). Момент интерпретации - "разгадывания" предсказания - оказывается ограничивающим в рассматриваемых текстах, что проявляется в стремлении рассказчиков для всех известных им эсхатологических примет найти соответствующее явление в действительности. "И вот она много тогда вот рассказывала, такого что: будет конец света... Вроде бы упадет солнце... Ну, может, это... сколько... сейчас... Эти атомы сейчас, поэтому надо уже - может, это" [9]. Таким образом, рассказ о сбывшемся эсхатологическом предсказании можно охарактеризовать как риторическую загадку. Отметим, что наиболее популярные "паутины" и "железные птицы" очень близки к рассмотренным Хелимским номинативным мини-загадкам (Хелимский, 1944, с. 258-260). В эсхатологических рассуждениях они могут выполнять функцию лексического субститута: для текстов, содержащих эти приметы, характерно, что явление современной действительности, соотносимое с формулой-предсказанием (актуализация предсказания), может быть не названо рассказчиком: "Говорили: "Вот железные птицы появятся", - и вот. И про войну, да, говорили. Да, в Библии было написано" [10]. В данном примере (неразвернутом высказывании) говорящий апеллирует к очевидности и общеизвестности рассматриваемого нами сюжетного хода ("загадка"- "разгадка"): актуализация предсказания заменена указанием на нее.

Перечисленные выше элементы являются основными, базовыми, без них высказывание невозможно. Типично следование элементов в том порядке, в котором они были приведены: источник - предсказание - актуализация. Однако номинация источника предсказания может следовать за актуализацией, а также повторяться в начале и в конце текста. Кроме того, часто в тексте присутствует целый комплекс эсхатологических предсказаний, и в результате сюжет может заключать в себе несколько "ходов" - предсказаний и их актуализаций.

"Мы, бывало, придём: "Там надо понимать, в этой Библии, не то что... Вот там была... Жизнь будет хороша тогда, когда деревня вся опутается ниткам. Мы тут и пожили хорошо, когда радио, свет провели - вся деревня опутается ниткам, тогда люди проживут хорошо: ну и действительно пожили. Бывало, приедешь в Ленинград, везёшь оттуда, а теперь - ой.

2: А потом ещё говорили, в Библии-то что... Вот подождите, будут букарахи бегать.

1: А, да, да, да.

2: Букарахи.

1: Букарахи.

2: Букарахи, мол, какие эти букарахи: а машинки-то маленькие.

1: Машины, трактора, это раньше у нас этого ничего не было, мы не знали, что такое, у нас лошадь всё делала.

2: Мы говорим: "Дедушка, что за букарахи?" А машины будут, вот сколько машин сейчас, маленьких. Так оно и идёт.

1: Во-во. Да. И вот деревня опуталась ниткам, вот и тут и тоже... и, конечно, хорошо.

2: Это струны провели, вот это называется... ниткам...

1: Да, вот он так и говорил. А войны больше не будет. Вот он так сказал, что войны больше не будет, но народ исчезнет. Кучам будет народ теряться - дак и чё, и правда! То самолётом, то где бы не было, всё кучам терять... То... Это...

2: То куда-нибудь бомбу по... подкидывают, ой, так народ и...

1: Да, этова, народ будет кучам гибнуть" [11].

Но, кроме рассмотренных, можно выделить целый ряд устойчивых элементов текста. В противоположность основным они не являются обязательными, но по меньшей мере один из них непременно присутствует в тексте.

4. Указание на отсутствие "предсказанного" явления в "прошлом". "Раньше тракторов-то не было, самолётов не было, а в Библии написано, что вот будет и провода - паутины натянуты, будут лошади жалезные, ну" [12].

5. Отнесенность источника предсказания к "прошлому". "Раньше ж не было ничего такого: ни электричества, ни проводов, ни телефонов, а теперь - действительно, всё опутано проводами, это уже, это уже всё в Библии когда-то давно, и, видишь, человек этот знал всё" [13].

Указанные элементы выполняют функцию аргументов, логически отвергающих возможность рационального объяснения предсказания "старых людей", и служат для доказательства сакральности, мистичности этого эсхатологического знания. Причем логически они явно избыточны, так как описывают то, что является природой предсказания и фактически являются разворачиванием ситуации предсказания. Их риторическая функция - акцентировать внимание на исключительности знания стариков (апелляция к связи прошлого и сакрального).

6. Указание на непроясненность предсказания в тот момент, когда оно произносилось. "Вот всё тенётам весь свет будет завешан - это давно уже говорили, ещё у нас этих проводов не было. <...> А вот мы-то потом и думам: "Как это, тенётам, какие тенёты?" А вот теперь и думам, что проводов-то везде-везде, все ведь завешаны везде" [14].

В форме прямой или косвенной речи рассказчик моделирует собственное недоуменное высказывание, отнесенное к более раннему времени. Функция этого компонента текста заключается в воссоздании атмосферы загадочности вокруг таких предсказаний, что усиливает риторичность загадки, лежащей в основе текстовой структуры. Отметим, что субъектом этого высказывания выступает только "мы", то есть говорящий включает себя в некоторую общность. Субъектом же предсказания в большинстве случаев выступают "старики". Таким образом, загадки-разгадки в рассматриваемых рассказах представлены как своего рода диалог между поколением "стариков", носителей сакрального знания, и поколением, с которым соотносит себя говорящий.

7. Утверждение соответствия настоящего предсказанию.

"Ну, видишь, всё будет перекрещено проводами - так оно правда и есть" [15]; "Дак она много читала, всё объясняла, говорила, и даже про это время, вот как раз это время всё и идёт. Она говорит, будет, это, так плохо в городе, люди пойдут в деревни жить: ну это так и есть. Так и происходит всё" [16]; "Уже сейчас всё идёт такой, а в двухтысяч-

ном ещё будет" [17]. Для подобных формул характерно сочетание местоимения "оно", указывающего на весь комплекс эсхатологических признаков настоящего (субъектом может выступать и собственно настоящее - "это время") и глагола "идёт", указывающего на развитие эсхатологической ситуации - эсхатологическую тенденцию.

8. Утверждение сакральности источника: "а они (старики) всё знали"; "они всё читали"; "а библии - книжки-то святые".

9. Утверждение собственной профанности: "а мы-то ничего не знаем" (обычно коррелирует с утверждением сакральности источника).

Все рассмотренные факультативные элементы содержат утверждения, которые не являются логическими выводами, но эксплицируют информацию, уже заключенную в тексте. Обозначенный нами ряд элементов, в сущности, не является полным: могут быть выделены и другие - они оформляют дальнейшее развертывание уже заключенной в других отрезках высказывания информации.

Общим принципом образования обозначенных факультативных элементов является экспликация оппозиций, значимых для текста: "прошлое-настоящее" и "сакральное-профанное", а также противопоставления "старики" - "мы". Текст тяготеет к синтаксическому выявлению противопоставленности этих категорий, располагая контекстуальные антонимы ("раньше", "теперь", "старики", "мы") рядом или в аналогичных синтаксических позициях.

"Эксплицирующие" элементы могут быть выделены в тексте интонационно, а также позиционно, предшествуя основным элементам или даже разрывая синтаксические конструкции: "Вот, например, у моего отца была Библия. И вот, верите, я сейчас вспоминаю, такая толстая книжечка, и я в ней, *тогда не было ни свету, ни электричества, ничего*. И я так сидела, открыла, почитала. И там написано: "Придет время, будут летать в небе огненные птицы. Будут каркать - там так написано - по-своему. Они будут каркать огнем. Весь белый свет будет опутан столбам и проволокой". А у нас столбов не было, свету не было, помню, еще маленькая, сижу <...> А вот оно пришло. Самолеты. Свет. Радио. Столбы, проволокой опутано. Все. Пришло" [18]. Наличие таких логически избыточных и одновременно выделенных высказываний говорит об актуальности для говорящего заключенной в них информации и факта её сообщения адресату. Таким образом, основываясь на рассмотренных элементах, можно определить прагматику текста в целом (её основные актуальные моменты):

- 1) утверждение эсхатологичности настоящего;
- 2) определение природы эсхатологического знания как традиционной сакральной информации;
- 3) соотношение оппозиции сакральное-профанное с противопоставлением поколений ("старики"-"мы").

Чтобы проиллюстрировать эти положения, рассмотрим следующий пример:

"Никого не будет тут. <...> Вот говорят ведь, старые люди-то говорили: Хорошо жить будет, да некому жить будет. А мужиков совсем не будет. Мы были, это, я была в больнице на аборте, а вот она там же, старушка была - она божественная. Вот вы говорите, женщины, ничего не знаете. Мы говорим: Да где мы знаем? <...> у нас и церкви нету. Я маленькая, девчонка, помню, с отцом в церкви была, а больше у нас и

церкви не было. А потом в церкви мы плясали да делали всё. Ну⁶. Дак вот она сказала, ну, что хорошо жить будет, да некому жить будет, мужиков совсем не будет. А бабы будут драться: медвежий след где увидят, да, увидят да будут драться - вот это уже у мужика идено-то у моего [муж умер - К. М.]. А сколько мужиков-то уже кончается? Никого не будет" [19].

В данном тексте актуализируется противопоставление сакрально-го и профанного во "вставном эпизоде" о божественной старушке из больницы, в котором смоделирован "диалог поколений". Как аргумент собственной профанности выступает невоцерковленность, нарушение традиционных норм поведения⁷. Эсхатологическое же знание является необходимой частью традиционного мировоззрения, а эсхатологическая интерпретация - необходимым умением. (В одном тексте это выражено эксплицитно: "Дак в Библии, так вот там написано, что будет там, вперёд... Да. И там... Эту Библию надо как - подразумевать" [20]). Однако этот эпизод ещё и моделирует ситуацию передачи эсхатологического знания, которое является основой для интерпретации явлений современной действительности: до и после этого эпизода повторяется одна и та же формула ("хорошо жить будет, да некому"), однако после к ней уже добавляется соответствующая интерпретация фактов действительности (частые смерти мужиков в округе, смерть собственного мужа). В результате формула переосмысливается и наполняется конкретным (эмпирическим) содержанием. А заканчивается текст той же формулой ("никого не будет тут"), с которой и начинался, только теперь произнесенной от первого лица: ситуация предсказания повторяется, и в качестве носителя эсхатологического знания выступает уже сама рассказчица. Таким образом, в рассматриваемом эпизоде рассказчица противопоставляет и затем идентифицирует себя с поколением знающих (NB: только в эсхатологическом аспекте).

Подобный вставной эпизод в другом тексте устанавливает противопоставление с поколением "молодых":

"...Ейный братец говорил, что: "Там же, вы же всё читаете, знаете, что там уж, говорят, земля-то на чём держится - мы-то не понимаам, разве мы думаем, что вертитсы на чём-то она. Я начну говорить своим внукам, а они: "Э, бабушка, ты ничего не знаешь". Я говорю: "Дак, ладно, не знаю, дак". Дак она ведь, говорят, тоже толчок дала. Дак, уй, да больше нашего знаете, вы читаете всё. Дак вот чё с нам будет? Давай-то Бог, чтоб всё было хорошо. Давай-то Бог. Мы не знаем ничего, что будет с нам - живём, дак" [21]. Здесь носителями знания (в т. ч. эсхатологического) выступают уже "молодые", в частности внуки и собиратели. Но природа этого знания принципиально иная - это книжное, научное знание. В данном тексте информантка устанавливает собственную профанность по отношению к поколению молодых. Если соотнести это с характерным для ее поколения утверждением собственной профанности по отношению к традиционной культуре, то получа-

⁶ Отрезок, выделенный курсивом, - эмоциональная быстрая речь. Сильно интонированный вопрос.

⁷ Такая характеристика "своего" поколения является традиционной для людей 1920-40х годов рождения.

ется наиболее пессимистический вариант самоопределения поколения, находящегося между двумя культурами и не принадлежащего ни к одной. Яркой иллюстрацией к такому самоощущению может служить заключительная фраза приведенного текста.

Итак, "нынешнее" поколение и, шире, вся современная жизнь в свете предсказаний прошлого обретает эсхатологическую окраску. Причем особенно важными оказываются следующие характеристики современности. Во-первых, абсолютная предсказанность - соответствие событий настоящего сакральным источникам; во-вторых, обращённость настоящего, его несоответствие норме, декларируемой прошлым⁸. Эта эсхатологическая характеристика связана с разворачиванием оппозиции "прошлое-настоящее".

"В двухтыщном каком-то году, он говорил, что вот будут в небе такие... будет чудо такое, которое будет влиять на природу - дак и влияет на природу. (А что это за чудо? - соб.) А вот это, наверно, наша космонавтика. Тогда ещё и самолёты-то не летали, в те-то лета. Я помню, у нас приземлился самолёт в поле, так вся деревня собралась и думали: чудо какое. Ну вот. А сейчас действительно, природа гибнет за счёт космоса: во вселенную раз вошли... счас бывают кислые, щелочные дожди, разные дожди, а раньше ж этого не было. Вот у нас мама здесь под окном сажала огурцы, никакой плёнкой не покрывали. Вот пока маленькие, там стекло оставалось мало... лежать, так сказать, на развитие рано, ещё весенние заморозки, а потом ничего, а огурцов бочки солили. А теперь под плёнками, а ещё... Если у кого помидоры - плёнка, да ещё и одеяло принесут" [22].

Переход от рассказа о сбывшемся предсказании к более или менее развернутому противопоставлению прошлого и настоящего весьма характерен. Поскольку в основе текста лежит соотнесение событий прошлого и настоящего (предсказание-актуализация), в тексте соседствуют два грамматических времени, находящиеся в положении чередования, что создает условия для синтаксической экспликации оппозиции (такой принцип развертывания высказываний уже отмечался выше).

И, наконец, третья актуальная характеристика современности - проявление и нарастание эсхатологической тенденции, которая позволяет устранить дистанцию между нынешним состоянием жизни и грядущим светопредставлением. Эта характеристика в большинстве случаев связана с традиционными мотивами запустения и вымирания. Так, формула "человек человеческого следа будет искать" может соотноситься с настоящим как характеристика современного состояния через предел эсхатологической тенденции: "...в Библии написано, что конец света будет, останется человек человек... - дак к этому и подходим - человек человека не встретит, мало кой-где останется людей. Если человека встретишь - не рад будёшь, зверя встретишь - рад будёшь. Да, теперь действительно так: человека увидишь - дак страшно. А зверя увидишь, волка или медведя - дак не так страшно. Человек может тебе что-то,

---

⁸ Природу обращенности («превращенного характера "последних времен"») в различных аспектах рассматривает в своей статье А. Ф. Белоусов (Белоусов, 1991, с. 15-31).

убить, и всё..."[23]. Проявление эсхатологической тенденции могут видеть и в тех реалиях, которые обычно воспринимаются как знаки "последнего времени" ("признаки конца света"):

"1: А потом околеем. (Околеем? - соб.)

1: Да, конечно, заморят нас.

2: Вот в газетах написано...

1: Вот эти птицы ["железные птицы" - К. М.] чего долятуют, учёные чего доучили <...>.

2: Вот они и говорили, это, что учёные загубят мир" [24].

Кроме сюжетов о сбывшихся предсказаниях, которые мы рассматривали выше, существуют ещё и размышления по поводу предсказаний несбывшихся, профанных. "Вот в девяносто шестом году, что в ноябре будет тоже пересвет-пересвет. Ходили с Ленинграда две девочки, ну, постарше вас, конечно, книжицы нам давали, что вот, в ноябре будет конец света, в ноябре конец света будет. У них даже объявление было написано [смеётся. - К. М.]. Мы ждали, ждали, думали: "что будет, что будет?" А ничего не было. [смеётся. - К. М.] Ничего не было, дак не знаем, будет или не. Раньше-то ведь в Библии, что вот тысячелетие-то кончается, вот это, как его... писалось, вот эти, наша мама ещё говорили, да и бабушка, да. Вот как что на их яву-то прошло, вот в этом тысячелетии-то, во втором-то вот в этом, в девятьсотом, девятьсот... тысяча девятьсот девяносто восьмой год идёт, так вот в этом-то тысячелетии войны-то все были вот как в Библии написано: и верь, и не верь - как в Библии написано, так всё и было, это наяву. А что будет в двухтысячном?" [25]. Несбывшееся предсказание в данном случае пришло из городской культуры, что, однако, не подразумевало отношения к нему как к профанному - в него верили, по-видимому, также как и в традиционные (о возможности восприятия эсхатологической информации из городской, "научной" культуры речь уже шла выше). Но характерно, что в ситуации, когда профанность предсказания уже очевидна, рассказчица в противопоставление приводит Библию, традиционный сакральный источник. Ирония над собственной верой и ожиданием конца света сближает этот сюжет с другим: "Вот в детстве говорили, что месяц с солнышком встретятся - и всё, и свету конец. И мы всё дожидали - когда встретятся. А оно так ещё. [смеётся. - К. М.]" [26]. Можно восстановить ситуацию, лежащую в основе этого текста: рассказ (или объяснение) взрослых детям о конце света⁹. В данном случае информантка иронизирует над своим буквальным, а не метафорическим пониманием формулы.

Рассуждения о предстоящем конце света как событии.

Другой возможный путь эсхатологического рассуждения - осмысление понятия "конец света" как события в будущем. Спецификой этих текстов является чрезвычайно сильный рефлексивный момент, возни-

---

⁹ Заметим, что детство большинства наших информантов проходило в период напряженного эсхатологического ожидания, в 20-30-е годы. Детское восприятие этого понятия могло формироваться, как видно на примере данного текста, под воздействием специфических мифологизирующих объяснений родителей.

кающий в силу актуальности эсхатологического ожидания: признание конца света подразумевает признание собственной смерти. Направлениями рефлексии становятся вера или неверие в конец света, его форма, последствия и срок.

В большинстве случаев основой для развития темы являются размышления о форме конца света. Отправной точкой для такого рассуждения может служить формула конца: "в двухтысячном году, говорят, нас накроет всех"; "в двухсотом году, говорят, никого не будет, по Библии-то"; "исчезнет, и люд этот исчезнет"; "весь мир обольётся кровью"; "как возьмёт, и везде пропадёт". В этих формулах можно выделить общие элементы семантики - предикат уничтожения или небытия в соединении с признаком всеохватности. Формулы варьируются в зависимости от того, что в первую очередь информант соотносит со словом "свет" - человечество, планету и т. д. Наравне с формулами конца в исходной позиции могут выступать традиционные образные формулы, не только описывающие само событие, но и в большой степени относящиеся к его результатам: "на бревне люди поместятся"; "человек человеческий след будет искать". Рассуждение может состоять только из таких устойчивых элементов: "В девяносто девятом году кончится свет, всё загаснет, всё, не будет белого свету, будет только темнота. Просто погибнет человечество, да и всё. Вот если друг дружке попадёт человек навстречу - это будет диво большое, вот так весь люд, люд умрёт" [27]. Основным же принципом разворачивания этих формул является "прочтение" их метафорического смысла и ассоциация с конкретными событиями и явлениями - наполнение эмпирическим содержанием.

"Даже конец свету будет. Дак вот от голода, да, може, зальёт всю и землю. <...> Что нам передают, что даже люди гибнут от проливов-то от этих, да [имеются в виду передачи по телевидению о наводнениях - К. М.]. Всё везде, далеко. От голоду, може, и перемрём все. Потеряются. Негде будет взять ничего, ни хлебов, ни... картошка вся сгнила нонче. Это само по себе конец, от голоду мы потеряемся" [28]. В тексте мы видим движение от абстрактного представления о конце света как о всеобщем бедствии к конкретным формам этого бедствия, знакомым по реальности (например голод и война - актуально для наших информантов). Происходит включение эсхатологической идеи в свое пространство и свое время. Так в текстах возникает образ настоящего.

Форма конца света может быть осмыслена также и через уже бывшее глобальное бедствие, с чем связано устойчивое соотношение всемирного потопа и предстоящего конца света. "Ну это уже Господь топил народ. Я вот и читала, а толком уже не могу рассказать. Он потопил людей вообще <...>. Ну, выжили много и погубило много... Как счас вот это: где-то гибнут много люди, вон тыщами, сотнями" [29]. Такое соотношение опирается на идею цикличности истории, которая может быть развернута в текстах с привлечением всей возможной исторической информации - как традиционной (мифологической), так и "научной" (школьной). Такие рассуждения можно обозначить как одну из областей "личной философии" - "историософию". Любопытное преломление этой идеи и пример декларации личной философии: "Не один раз, у меня даже две Библии, мне даже бесплатно прислали Библию. Конца света не будет, милые мои! Вы грамотные люди. А будет вот

это, как вам сказать, понятнее, вот русским языком: цикл жизни. Вот день с ночью меняется - я легче объясняю - как день с ночью, так вот и этот свет. Вот, говорят, конец света - это не конец света, а будет, а конец вот жизни натуральной. По Библии, народ должен жить одинаково. (Как это одинаково? - соб.) Одинаково, уважать один одного, как дружной семьёй. А у нас так не получается. Вот конец света, и говорят, это будет конец света. А конец света почему - вот это говорят, вот это явление, правда, вот это сходитя явление, вот это природные явления: сейчас и бури такие, сейчас и, этова, ураганы... и, ну, разные такие... которых раньше не было, никогда этого. Ну это... в Библии сходится. Это цикл жизни, в Библии написано...". [30].

Другой принцип развития рассуждения во многом связан с психологическими моментами: по мере включения конца света в эмпирическую действительность возникает рефлексия о неизбежности собственной смерти в ближайшем будущем. Можно привести яркие примеры с возникающими в ходе рассуждения отрицаниями: "Сейчас умирают столько много, аварий много, до двухтысячного теперь ничего, не успеть сделать-то. (Не успеют до двухсотого? - соб.) Конечно же, не успеют, такого провала не будет везде, а когда-то будет, это да" [31]. В рамках этой же тенденции находятся и подсчёты оставшегося времени до конца света: "В двухсотом году - не знаю, война или потоп. Осталось нам ещё сколько..." [32].

Хотя идея конца света непосредственно подразумевает идею собственной смерти, для крестьян оказывается мало актуальна идея о личном спасении. Так, ещё Г. П. Федотов в качестве характерной черты народной эсхатологии называл восприятие конца света как внешнего, внеположного человеку явления (Федотов, 1956). Внеположность конца света человеку очевидна и в нашем материале, ярким показателем может служить форма третьего лица в следующем высказывании: "Может, газ какой пустят, может бить нас будут, я не знаю". Даже когда приближение или отдаление срока конца света и связывается с поведением людей, крестьяне воспринимают поведение людей как общую закономерность, не связанную с их личной инициативой, о чем говорит употребляемая форма третьего лица: "У меня мать, так она ещё говорила, что, говорит, долга... коротка и долга последняя тысяча, вот, до двухсотого году. Вот, говорит, будут ещё хорошо жить, будут в Бога веровать - будут жить, а теперь веруют в Бога, теперь будут жить"[33].

Тексты, группирующиеся вокруг двух рассмотренных тематических центров - эсхатологических предсказаний и предстоящего светопреставления, - не разделены каменной стеной, хотя каждая из этих тем может организовывать законченное высказывание. Часто такие законченные отрезки, не будучи связаны друг с другом, могут соседствовать в речи информанта и разделяться вопросом собирателя, ориентированным на другую тему. Однако существует ряд механизмов перехода от одной темы к другой и связывания событий прошлого, настоящего и будущего:

1. От эсхатологического предсказания к интерпретации настоящего.
2. От эсхатологической интерпретации настоящего к противопоставлению прошлого и настоящего.

3. От эсхатологической характеристики настоящего к идее светопреставления как пределу эсхатологической тенденции.

4. От идеи конца света в будущем к эсхатологической интерпретации настоящего.

5. От описания прошлых мировых катастроф к представлению о предстоящих (и наоборот).

Первые четыре модели показывают, как два тематических центра - предсказания и конец света - могут сочетаться в пределах одного текста. Выделенную группу объединяет общая функция - построение "текста настоящего" через эсхатологическую характеристику. Таким образом, мы можем выделить некоторую единую область рассуждений, одна из основных функций которых - "слово о настоящем", причем настоящее может характеризоваться как через будущее, через предстоящий конец света, так и через противопоставление прошлому. Последняя же, пятая модель, относится к другой области рассуждений - построению "общей концепции истории", историософии.

П р и м е ч а н и я

[1] Записали Д. Баршевич, А. Портнов, А. Тарабукина в д. Суханы Пеновского р-на Тверской обл. от А. М. Иванова, 1924 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98081743).

[2] Записали Д. Баршевич, А. Портнов, А. Тарабукина в д. Семченки Андреапольского р-на Тверской обл. от А. Г. Снетковой, 1931 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98081566).

[3] Записали М. Мальгина, К. Маслинский, И. Назарова в д. Горницы Мошенского р-на Новгородской обл. от А. М. Виноградовой, 1935 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98084111).

[4] Записали А. Исагулова, Н. Кузнецова, М. Лурье, А. Филиппова в д. Жукопа Андреапольского р-на Тверской обл. от Н. Ф. Кудрявцевой, 1920 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 980811А5).

[5] Записали А. Исагулова, Н. Кузнецова, М. Лурье, А. Филиппова в д. Жукопа Андреапольского р-на Тверской обл. от В. И. Арсентьевой, 1926 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98081110).

[6] Записали А. Гришина, К. Маслинский, В. Пономарева в д. Ерзовка Любытинского р-на Новгородской обл. от А. С. Павловой, 1918 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98083850).

[7] Записали Д. Баршевич, А. Портнов, А. Тарабукина в д. Семченки Андреапольского р-на Тверской обл. от А. Г. Снетковой, 1931 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98081564).

[8] Записали К. Маслинский, А. Черешня, А. Чернеевский в д. Верховье Тихвинского р-на Ленинградской обл. Данных об исполнителе нет.

[9] Записали Е. Данькова, Е. Кулешов в д. Золотилово Торопецкого р-на Тверской обл. от Е. А. Васильевой, 1929 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 96081513).

[10] Записали С. Леонтьева, К. Маслинский, С. Переслени в д. Ширино Торопецкого р-на Тверской обл. от В. А. Кузнецовой, 1915 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 97030124).

[11] Записали Е. Абашеева, С. Леонтьева, В. Пономарева в д. Глазово Мошенского р-на Новгородской обл. 1: Е. В. Суслова, 1928 г.р.; 2: данных нет (ФА АГ СПбГУ, № 98083370).

[12] Записали А. Исмагулова, Н. Кузнецова, М. Лурье, А. Филиппова в д. Жукопа Андреапольского р-на Тверской обл. от В. И. Арсентьевой, 1930 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98081110).

[13] Записали О. Ермишкина, К. Маслинский в с. Алеховщина Лодейнопольского р-на Ленинградской обл. от В. С. Ивановой, 1935 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 99010353).

[14] Записали Е. Князева, С. Леонтьева, Н. Любимова в д. Долбеево Хвойнинского р-на Новгородской обл. от П. Н. Никифоровой, 1926 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98082946).

[15] Записали С. Леонтьева, А. Складчикова, А. Филиппова в д. Харагеничи Тихвинского р-на Ленинградской обл. от Е. Т. Богдановой, 1922 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98030387).

[16] Записали Е. Князева, С. Леонтьева, Н. Любимова в д. Ушково Любытинского р-на Новгородской обл. от Н. А. Платоновой, 1928 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98083019).

[17] Записали Н. Кузнецова, М. Лурье, А. Филиппова в д. Хотилицы Андреапольского р-на Тверской обл. от А. В. Молчан, 1922 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98081438).

[18] Записали В. Баранова, О. Давыдова, А. Литягин, М. Мальгина в д. Коково Тихвинского р-на Ленинградской обл. от В. А. Ивановой, 1923 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98032930).

[19] Записали С. Леонтьева, А. Складчикова, А. Филиппова в д. Озровичи Тихвинского р-на Ленинградской обл. от М. П. Алексеевой, 1926 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98030331).

[20] Записали С. Леонтьева, А. Складчикова, А. Филиппова в д. Харагеничи Тихвинского р-на Ленинградской обл. от Е. Т. Богдановой, 1922 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98030387).

[21] Записали Е. Абашеева, С. Леонтьева, В. Пономарева в д. Глазово Мошенского р-на Новгородской обл. от Е. В. Сусловой, 1928 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98083370).

[22] Записали А. Гришина, К. Маслинский, В. Пономарева в д. Ерзовка Любытинского р-на Новгородской обл. от А. С. Павловой, 1918 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98083850).

[23] Записали Д. Баршевич, А. Берковский, В. Григорьева, К. Маслинский в д. Стоговые Лодейнопольского р-на Ленинградской обл. от Т. П. Бойцовой, 1928 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 99031011).

[24] Записали А. Исмагулова, Н. Кузнецова, М. Лурье, А. Филиппова в д. Жукопа Андреапольского р-на Тверской обл. 1: В. И. Арсентьева, 1930 г.р.; 2: А. И. Борисенкова, 1926 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98081111).

[25] Записали С. Леонтьева, А. Складчикова, А. Филиппова в д. Корбеничи Тихвинского р-на Ленинградской обл. от А. В. Калининой, 1939 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98030223).

[26] Записали Е. Абашеева, С. Леонтьева, В. Пономарева в д. Долбеники Мошенского р-на Новгородской обл. от Е. Е. Усовой, 1926 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98082868).

[27] Записали В. Баранова, М. Пономарева в с. Покровское Вашкинского р-на Вологодской обл. в июле 1998 от Л. Н. Гуляевой, 1924 г.р. (ФА СПбГУ, Бел14-19).

[28] Записали М. Мальгина, К. Маслинский, И. Назарова в с. Ореховно Мошенского р-на Новгородской обл. от Е. М. Белозёровой, 1926 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98084179).

[29] Записали Е. Князева, С. Леонтьева, Н. Любимова в пос. Горный Хвойнинского р-на Новгородской обл. от Е. И. Елисеевой, 1922 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98082910).

[30] Записали А. Исмагулова, Н. Кузнецова, М. Лурье, А. Филиппова в д. Жукопа Андреапольского р-на Тверской обл. от Н. И. Клементьевой, 1931 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98081065).

[31] Записали О. Ермишкина, К. Маслинский в с. Алёховщина Лодейнопольского р-на Ленинградской обл. от А. А. Шумиловой, 1927 г. р. (ФА АГ СПбГУ, № 99010351).

[32] Записали Е. Абашеева, С. Леонтьева, В. Пономарева в д. Долбеники Мошенского р-на Новгородской обл. от А. Ф. Лапшиной, 1916 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98082861).

[33] Записали С. Леонтьева, А. Складчикова, А. Филиппова в д. Усть-Капша Тихвинского р-на Ленинградской обл. от Игнатьевой Ф. С., 1922 г.р. (ФА АГ СПбГУ, № 98030126).

Л и т е р а т у р а

Белоусов, 1991 - Белоусов А. Ф. Последние времена // Аequinox: Сборник статей памяти о. А. Меня. СПб, 1991.

Тарабукина, 1998 - Тарабукина А. В. Эсхатологические рассказы "церковных людей" // Канун: Антропология религиозности. Вып. 4. СПб, 1998.

Федотов, 1956 - Федотов Г. П. Эсхатология и культура // Новый град: Сб. ст. Нью-Йорк, 1956.

Хелимский, 1994 - Хелимский Е. А. Номинативная мини-загадка: на стыке загадки, метафоры и лексического субститута // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т. 1. М., 1994.